

Филатов Герман

Отель "Падающая звезда"

16+

Герман Филатов

Отель «Падающая звезда»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62310833

SelfPub; 2020

Аннотация

Отель "Падающая звезда" – самая обыкновенная гостиница, какую только можно встретить, но однажды в ней происходит ужасное убийство, после которого в номере 24 заводится страшное существо. Не имея сил больше терпеть те несчастные случаи и самоубийства, что происходят с каждым, кто там остановится, хозяин отеля нанимает двух профессиональных охотников разобраться с могущественным потусторонним. Получится ли у них это сделать, когда сущность оказалась настолько сильна?..

Пролог

Май 2009 года, пригород Москвы

Поглаживая мягкую ткань черных брюк, и изредка поправляя галстук нефритового цвета, который ему месяц назад на двадцатилетие брака подарила жена, сорокадвухлетний мужчина смотрел в тонированное окно своего черного «Rolls-Royce», мчащегося по пустой загородной дороге и рассекающей ночь ярким светом ксеноновых фар. Алексей Гром, успешный бизнесмен, владелец одной из крупнейших трастовых компаний во всей России, чувствовал внутри себя чудовищное напряжение, вызванное большим количеством адреналина, гуляющего в крови (и парой стаканов «Jack Daniel's», которые он осушил уже в автомобиле). В его теле бушевала тошнотворная буря, было чувство, словно чудовищной мощности торнадо сорвал все его органы со своих положенных мест и мотал их по всему нутру мужчины.

– Все в порядке? Мы скоро приедем? – приятным, не содержащим в себе ни малейшей капли смущения, голосом прозвучали подряд сразу несколько вопросов.

Повернув голову направо и самоуверенно ухмыльнувшись, как он делал всегда, когда хотел скрыть свои внутренние эмоции, Алексей положил свою, немного холодную, ладонь на внутреннюю часть голого бедра молодой (точно не старше двадцати пяти лет) девушки. Она была одета в платье винного цвета с очень короткой юбкой, едва прикрывающей

ягодицы.

—Скоро,— коротко ответил мужчина, внешним видом ничуть не выражая (чего он и хотел) ту бурю напряжения и большую долю страха, что он испытывал в тот момент. Он за столько лет ведения бизнеса (и не одну сыгранную игру в тегасский холдем) научился полностью контролировать свои эмоции и не выдавать, что творится у него на уме в данный момент. Вывести его из себя было очень непростой задачей, даже можно сказать, почти невыполнимой.

Молодая девушка, имени которой он не знал и звал ее по прозвищу «Лили», которым незнакомку окрестил ее сутенер, похотливо улыбнулась и, дотронувшись до его руки, без капли стеснения подняла ладонь Алексея еще выше, и мужчина почувствовал, как по ее теплой коже пошли мурашки.

Это была не первая (элитная) женщина легкого поведения, с которой он встречался на своем веку. Жену мужчина любил, как и двух своих детей: двадцатилетнего сына Артема и семнадцатилетнюю дочь Нинель, но она в интимном плане ему уже давным-давно наскучила. Даже девушки по вызову уже надоели. Все надоело.

Такого рода скука была одним из самых частых проблем очень, даже можно сказать чрезмерно богатых людей. Из-за власти и абсолютной вседозволенности они начинали терять интерес к жизни. Ничто их не радовало, ничто не могло удивить, им не к чему было стремиться. Алексей Гром мог иметь практически все, что ему захочется, и он имел это, потому

что у него просто фантазии не хватало на то, чтобы захотеть чего-то, чего он достичь не мог. Ему было чудовищно скучно, он начал хандрить, и впал в глубокую меланхолию.

Из такой ситуации обычно есть два выхода: либо сойти с ума, либо найти себе какое-то новое занятие, и пару месяцев назад к мужчине, словно проблеск солнечного луча в ночной тьме, пришла идея. Поначалу она показалась ему пугающей, даже ужасающей, и Алексей, испугавшись собственных мыслей, отринул ее, но она все время возвращалась в его скучающий мозг, возвращалась снова и снова, долбя по нему так, как дятел долбит по стволу дерева, становясь все навязчивей с каждым днем. Она приходила к нему в голову, когда он работал, когда завтракал, когда говорил с женой, даже когда сидел на сортире. И вот однажды он, словно фокусник, никак не осмеливающийся выполнить легендарный смертельно опасный трюк, все же решился. А если он начал действовать (тут уже играла его бизнесменская натура, позволившая ему многого добиться на этом поприще), то его уже никто не мог остановить. Даже он сам.

И тогда Алексей велел своему помощнику Леону, который ради хороших денег готов был продать родную мать, снять какую-нибудь небольшую загородную гостиницу и заказать в годахми проверенном агентстве симпатичную девушку. Правая рука не стал задавать каких-либо лишних вопросов своему боссу, и уже через три часа выполнил указания. Чувствуя нерешительность и страх от своих действий

(впервые за много лет), он наконец-то ощутил то, что он еще живой человек, что он еще может чувствовать. «Наверно именно это испытывают алкоголики в завязке, когда срываются и выпивают залпом полбутылки виски,— думал Алексей, постукивая пальцами по дверной ручке автомобиля.— Для них это единственный способ выйти из забвения, словно глотнуть свежего морозного воздуха после месяца сидения в подвале». Алкоголики, конечно, могут бросить пить, но они никогда не перестанут быть зависимыми. Они всю оставшуюся жизнь будут чувствовать груз, этого мерзкого вертлявого червя, засевшего в подкорке мозга, который всякий раз будет тихо нашептывать своему носителю на ухо: «Да хватит тебе, всего один стаканчик. Нам ничего от этого не будет. Ты же сильный, и, раз смог бросить один раз, то в любой момент можешь вновь завязать».

Алексей считал полнейшей глупостью называть человека «бывшим алкоголиком». По его мнению, это было сродни тому, что называть людей, отбывающих наказание в тюрьме, «бывшими убийцами». «Привычки не умирают, и люди не меняются,— пришел к выводу Алексей, пригубив немного напитка.— Никогда не умирают. Самое большое, что можно сделать, это ввести их в заморозку, состояние спячки, и молиться, чтобы они никогда больше не проснулись. Но что же можно сказать о тебе?! Что ты творишь, ты же настоящий псих, черт подери!»

—Мы подъезжаем, босс,— донесся со стороны водительско-

го сиденья голос шофера и, отвлекаясь от своего внутреннего конфликта, яростного противоборства с «хочу» и «нормально», и снова выглянув в окно, Алексей увидел на обочине дороги небольшой трехэтажный отель, на стене которого значилось название светящимися белыми буквами – «Падающая звезда».

Припарковавшись рядом с гостиницей, все комнаты которой были сняты лишь для них двоих, мужчина выбрался из автомобиля и, дав дорогу Лили, захлопнул дверцу.

–Жди здесь,– сказал он водителю и направился в отель в сопровождении двух здоровенных охранников, похожих на одетых в классические костюмы победителей «Мистер Вселенная», которые так же согласились помочь в его щекотливом деле за большую плату.

Войдя внутрь гостиницы Алексей, вдохнув запах, который бывает только в отелях, увидел дешево одетого мужчину, стоящего за стойкой администрации.

–Здравствуйте,– сразу же обратив внимание на вошедших гостей, визгливо сказал мужчина и, схватив заранее приготовленный ключ со стола, неуклюже выбрался из-за стойки и подскочил к Алексею. Мужчина прочитал имя работника на серебристом значке на груди, выгравированное латунными буквами. «Сергей Вестник».– Может, позвать управляющего?

–Нет, не нужно,– покачал головой Алексей, чувствуя, как с каждым моментом холодный предмет, который он спрятал

перед началом поездки за поясом, начал тяжелеть.— Главное, чтобы он помнил все, о чем я его просил.

—Да, да, конечно же,— закивал мужчина и беспокойно почесал родинку на своей впалой щеке.

Объяснив, куда идти, администратор вновь вернулся на свое место, смотря при этом с небольшой завистью на отдельные, колышущиеся при ходьбе, части тела молодой спутницы миллиардера. Алексей же велел охранникам оставаться внизу и ждать его возвращения. Взяв проститутку под руку, больше походящую на модель с обложки глянцевого журнала для мужчин, они поднялись на второй этаж, свернули в сторону, прошли по теплomu приятному коридору, и нашли нужный номер по цифрам на деревянном брелочке, болтающемся в одном маленьком соединительном колечке вместе с ключом. «24». Отперев дверь, они вошли внутрь, и пока Алексей запирает дверь, чувствуя, как дрожь начинает одолевать его руки, пробираясь наружу сквозь его напускную небрежность и спокойствие, Лили прошла в комнату и встала рядом с кроватью.

Хоть номер и был дешевым, но выглядел довольно чистым и опрятным, и если бы не нынешнее состояние, он был бы даже уютным. Аккуратно заправленная темной простыней поверх одеяла двуспальная кровать, небольшая кухонька с круглым столом, и светлый, выложенный плиткой туалет. Пройдя следом за девушкой на ватных ногах, Алексей, которому казалось, что Земная гравитация усилилась не меньше

чем в два раза, увидел полураздетую Лили. Ее светлую кожу прикрывало лишь красивое нижнее черно-белое кружевное белье, а винное платье висело на спинке стула, стоящего рядом с входом в комнату.

—Я думаю, с остальным вы захотите закончить сами,— соблазнительно улыбаясь, кокетливо сказала девушка, проведя по своей тонкой белоснежной коже, в месте чуть ниже ключицы указательным пальцем.

—Да, это да,— ответил Алексей, его голос еле слышно дрогнул. Тут он, сняв пиджак и бросив его на тот же стул, на котором висело платье, медленно потянулся за спину и дрожащей, словно листья на пронизывающем своим влажным холодом осеннем ветру, рукой вытащил свой нож.

В глазах девушки, увидевшей холодное оружие с изысканным лезвием, инкрустированным разными завитушками, отразилось непонимание, а затем, когда она осознала, что собирается сделать ее *особый клиент*, как выразился сутенер Виолет, на ее лице появился животный страх. Алексею казалось, что он посветил фарами в глаза газели, выбежавшей на дорогу, и ему это понравилось, и к ужасу и к удовлетворению, понравилось.

—Ч-что в-вы делаете?— заикаясь, с нарастающей в каждой секунде паникой спросила она.

—Я хочу сыграть с тобой в одну игру,— сказал Алексей, чувствуя, как неуверенность постепенно покидает его тело, заменяясь на возбужденность.

Постояв так еще несколько секунд, мужчина неторопливо двинулся в сторону Лили, которая по мере его приближения все сильнее вжималась в стену, словно надеясь, что ей удастся пройти сквозь нее и убраться из номера, который стал для нее капканом. Смертельной ловушкой, в которую ее загнал хитрый безжалостный охотник. Когда Лили поняла, что это невозможно, комнату пронзил женский крик, полный безысходного ужаса, но на него никто так и не пришел, и девушка осталась один на один с безжалостным зверем в человеческом облики, который загнал свою жертву в угол. Она увидела в его глазах жажду убийства. «Да, у богатых свои причуды», – с какой-то долей снисхождения к самому себе, подумал Алексей и, замахнувшись, со всей силы ударил тыльной стороной левой руки по скуле девушки.

*Иногда жертва может
стать охотником*

Глава 1

Июнь 2012 года

–Погода в Нью-Йорке на этой неделе должна быть прекрасной, синоптики прогнозируют ясное небо и жару почти до самых сумерек, так что не рекомендуем выходить из дома без головных уборов и...

Сидя на переднем водительском сидении автомобиля, Джим Хопс, держа правой рукой руль, обернутый слоем чер-

ной кожи, постукивал пальцами другой по своей коленке и слушал знакомый голос женщины-ведущей по радио, дожидаясь, когда же ее наконец-то сменит какая-нибудь песня. Время, если верить находившимся рядом с приборной панелью часам, было позднее. Ровно без двадцати минут первого часа ночи. Он едва справлялся с приступами то и дело накатывавшей на него сонливости, и, чтобы не уснуть, решил включить себе какую-нибудь бодренькую мелодию, которая помогла бы ему хоть немного встряхнуться. Это помогло, но не так, как он рассчитывал.

Широко зевнув и завистливо посмотрев на мерно посапывающего Боба Салливана, сидевшего на пассажирском сидении рядом с ним, облокотившись на дверь, молодой двадцатипятилетний (каковым он себя уже считал) мужчина хлебнул кофе из наполовину опустевшего стаканчика, стоявшего все это время в специальной подставке рядом с подлокотником.

Спустя приблизительно двадцать минут они подъехали к нужному дому. Зафиксировав ручник, Джим прочистил горло и толкнул в плечо своего напарника.

—А? Что такое?— раскрыв глаза и отлепившись от пассажирского стекла, пробурчал Боб, широко при этом зевнув.

—Просыпайся, старина, мы приехали. Работа зовет, а зло не дремлет, знаешь ли.

—Уж лучше тебя.

Дернув за ручку, он выбрался из автомобиля и захлоп-

нул дверцу. Открыв багажник, Джим достал свой небольшой рюкзак и повесил его на плечо. Дожидаясь напарника, мужчина, засунув руки в карманы своих синих пятнистых джинсов, осматривал темную улицу, подсвеченную множеством звезд. Вдыхая ночной воздух, он чувствовал, как сон понемногу начинает выветриваться из его головы. Переведя свой взгляд с зеленых, давно не стриженных кустиков на входную дверь двухэтажного дома, Джим почувствовал нарастающее возбуждение.

–Ну, чего ты встал как столб?– спросил его неожиданно подошедший со спины Боб.– Или испугался?

–Еще чего,– высокомерно хмыкнул он в ответ, как хмыкают парни, храбрящиеся перед девчонками перед тем, как войти в темный подвал, в котором, не смотря на их неверие, прячется какая-нибудь мерзкая безжалостная тварь. Глаза его во тьме сверкают жадной убийства, кожа стала совсем серой и безжизненной, и он ждет, когда же ноги его будущих жертв ступят на поскрипывающую лестницу, и ему наконец-то удастся вцепиться в них своими зубами и когтями, и утащить глупых подростков во тьму и там их разорвать на малейшие клочья.– Стану я какого-то второсортного призрака бояться. Мы с тобой и не таких тварей встречали, и одолевали их.

–Тут я с тобой не могу поспорить,– согласно кивнул Боб.

–К тому же, мы с тобой его уже как следует отделали. Кстати, ты ключи-то не потерял?– с легкой, почти незамет-

ной насмешкой в голосе спросил Джим.

–Нет, все со мной.– Мужчина в возрасте заметил ее, но знал, что его напарник и друг не намеревался его обидеть, поэтому не обратил на это внимания.

Порывшись в своем кармане, Боб достал связку ключей, продемонстрировал их напарнику, потрясая ими перед его носом, затем нашел нужный ключ и сунул его в замочную скважину. Зайдя в дом, Джим сразу же почувствовал тот самый неприятный запах, присущий всем брошенным, или, по крайней мере, давно не заселенным жилищам. Он их никогда не любил, и в особенности после того, как начал охотиться. Это был запах опасности и предвестник чего-то плохого.

Кампания, взявшаяся за продажу дома после того, как владелец этой недвижимости, глава семейства по имени Эдвард Блэк, взбесившись одним вечером во время ужина, зверски перерезал ножом для мяса свою семью, то есть жену и двоих семи и девятилетних сыновей, уже почти отчаялась его кому-нибудь продать. Во время опроса в полиции убийца все подробнейшим образом рассказал, да таким спокойным тоном, словно заказывал себе вино в ресторане.

Вызвало ярость в Эдварде Блэке то, что его, на тот момент уже покойная, жена заступилась за своего старшего сына, когда он отчитывал ребенка за плохое поведение.

Спросите, что же тут такого, когда отец ругает своего сына? Ничего. Абсолютно ничего. Но Эдвард во время своих нотаций, которые были слишком уж агрессивными для

обычного воспитания, был очень старателен, и вдобавок ко всему сопровождал все грязными ругательствами и макани-ем головы ребенка в тарелку с пастой по-итальянски. Когда мать решила вмешаться и начала орать на мужа и пытаться загородить собой несчастного мальчика, тот просто схватило нож со стола и на глазах у детей, без малейших колебаний, пырнул ее в горло, угодив при этом прямо в сонную артерию. Не обращая внимания на крики и мольбы старшего и плач младшего (которые были слышны – соседи подумали, что это бытовая ссора, а не массовое убийство, поэтому вместо вмешательства вызвали полицию, – аж в соседском доме), горе-отец хладнокровно расправился с сыновьями. Судя по заключению экспертов, после убийства младшего брата, заколотого в грудь тремя ударами, старший пытался сбежать, и был нагнан в коридоре. После окончания расправы Эдвард Блэк рассадил их за столом, вымыл руки и нож от крови, доел свою порцию, взял из холодильника бутылочку пивка и отправился принимать ванну. Смыв с себя остатки крови, и бросив красную одежду в корзину с грязным бельем, Эдвард почистил зубы, и уже тогда просто вызвал полицию. Пока они ехали на вызов, он переместил всех, уже изрядно похолодевших родных в гостиную и, рассадив их на диване и посадив младшего сына себе на колени, а второго обняв левой рукой за плечи, мужчина включил телевизор и до приезда полисменов смотрел вечернее ток-шоу и попивал содержимое новой, второй банки пива компании «*Living Water*».

Спустя месяц он повесился на простынях в тюремной камере. Это, с одной стороны, было хорошо, что такой ублюдок, совершивший такое ужасное бесчинство, умер подобным образом (*так думало почти все население и начальство тюрьмы*), но было одно НО, о котором поначалу не было известно. Как говорят те немногие заключенные, с которыми он успел познакомиться, Эдвард Блэк за несколько недель до смерти был очень подавлен, во-первых, из-за содеянного, а во-вторых, из-за издевательств со стороны остальных сидельцев, которым было известно, за какие греховные деяния – как любил говорить их охранник-ханжа, – он попал в тюрьму. Таких заключенных там не любят, ведь это было даже хуже педофилии. В общем, жилось там ему ох как не сладко и не гладко.

В доме же с тех самых пор стали происходить странные вещи. Иногда риелторам все же удавалось заманить в жилье тех немногих покупателей, которые были не особо впечатлительными атеистами, но после осмотра и лицезрения бьющейся посуды, трескающихся стекол и маленьких бледных окровавленных мальчиков с кухонными ножами, все посетители вылетали из дома, словно пробки из бутылок растрясенного шампанского. А после последнего случая, произошедшего месяц назад, когда мужчина в одиночестве отлучился на несколько минут в уборную, а после тревоги риелтора из-за долгого отсутствия был найден едва живым с пробитой об угол раковины головой, было решено вызвать кого-нибудь,

кто разбирается и может помочь в таких *специфичных* делах.

Выяснив, где были похоронены все жертвы, он вместе с Бобом приехал на кладбище, нашел тела убиенных и сжег их кости, прежде посыпав останки смесью соли и крошек серебра и окропив все это дело святой водой. По идее дело было сделано, но они решили еще одну ночь переждать в доме и убедиться в положительном результате проделанной работы. «Имидж и репутация превыше всего», – как частенько любил говорить Боб.

Пройдя в гостиную и включив свет, они уселись на диван (новый, а не тот, на котором сидели мертвецы) и принялись каждый заниматься своим делом. Джим играл в какую-то игру на телефоне, смысл которой заключался в сборе бананов обезьяной, скачущей по лианам и деревьям, а Боб с интересом читал книгу «Прощай, оружие!». Творчество Эрнеста Хемингуэя ему очень нравилось, а в особенности произведение «Старик и море». Иногда он ощущал себя неким подобием главного персонажа.

– Как ты думаешь, – прерывая тишину, нарушаемую лишь перелистыванием шуршащих сухих страниц и стуков пальцев по стеклу экрана телефона, спросил Джим, – что было у этого Эдварда в голове? Ведь его посадили, а значит, он был вменяемым.

– Понятия не имею, – вздохнув, оторвался от чтения Боб, но глаза поднимать не стал, делая вид, словно все еще погружен в чтение. – И даже знать не хочу. Не понимаю, зачем

вообще таких психов сажают в тюрьму, кормят и поят, тра-
тят деньги государства на всех этих маньяков, педофилов, и
подобных им уродов, сидящих по несколько пожизненных
сроков за изнасилования и убийства детей. Сажали бы их на
электрический стул, или хотя бы кастрировали и отправляли
куда-нибудь в урановые шахты на работу. Меньше расходов,
больше пользы, да и остальным неповадно будет.

– Не знаю, – пожал плечами в ответ Джим. – Мне кажется,
что эта палка о двух концах...

Бобу было интересно, что же еще хотел сказать Джим, но
все же ему не сужено было этого узнать.

Вдруг их разговор прервал громкий звонок телефона. По-
смотрев на экран своего гаджета, Джим увидел чей-то не
определившийся Нью-Йоркский номер.

– Кто это? – спросил его Боб, закладывая ляссе внутрь кни-
ги.

– Понятия не имею, – ответил молодой человек, и спустя
несколько секунд бездействия нажал на кнопку принятия
вызова. – Алло?

Из динамика донеслось шипение, похожее на белый шум.

– Ну? – нетерпеливо поерзав, Боб вовсе закрыл свою книгу
и положил ее на диван.

Вместо ответа Джим отодвинул телефон от уха и вклю-
чил громкую связь. Шипение не прекращалось, и мужчи-
ны просто слушали его, чувствуя нарастающее в груди на-
пряжение, как вдруг сквозь шипение начали доноситься еще

какие-то звуки, которые поначалу невозможно было разобрать, но спустя несколько секунд они стали громче, и они различили одно слово, повторяющееся вновь и вновь плачущим женским голосом. «Помогите». Вдруг к голосу добавились ее несколько других, посторонних голосов. Они были детскими, как у десятилетних мальчиков, и интересным образом аккомпанировали женщине, создавая один, подобно протяжному плачущему эху, голос. «Помогите!».

Неожиданно голоса прервались, и несколько секунд вновь остался только один шум, но тут из динамиков послышалось хриплое мужское дыхание. Оно было таким, словно его владелец, страдающий астмой, был очень взбешен, но старался держать себя в руках.

—Твою мать,— тихо ругнулся Боб, медленно подняв с пола стоящий в ногах рюкзак.— Какого черта?

Расстегнув молнию, он сунул руку в сумку, как вдруг позади послышался звон бьющегося стекла. Одновременно обернувшись, охотники увидели стекла упавшей с подоконника небольшой разбитой старой вазы, осколки которой разлетались острым градом по полу. Достав мешочек со смесью соли и серебра, Боб медленно поднялся, чувствуя легкое касание холодных щупалец страха, холодным могильным ветерком прошедших по его сердцу. Набрав в грудь воздуха, и продолжая слышать хриплое дыхание, доносящееся из динамиков телефона, мужчина сделал шаг вперед по направлению к разбитой вазе, как вдруг увидел в зеркале, висящем

неподалеку, постороннего мужчину. Он стоял позади него, в шаге от Джима, и, не отрывая своего стеклянного взгляда, смотрел на вцепившегося в телефон молодого человека.

Неожиданно голова призрака (мужчина понял это по еле заметно мерцающему силуэту) повернулась в сторону зеркала, и Боб встретился с неизвестным взглядом. Этому человеку на вид было около пятидесяти или пятидесяти пяти лет, одет он был в черный, старого образца костюм, а для полного образа средневекового аристократа ему лишь не хватало шляпы-цилиндра и монокля в глазу. На бледной, с выпирающими бугорками сломанных костей, шее мужчины виднелся лилово-фиолетовый круглый след от веревки.

Резко развернувшись, Боб швырнул в сторону Джима небольшую горсть соли с серебром, и в трубке послышался возглас, перемешанный с протестующим взбешенным шипением. Свет замелькал, и небольшой кофейный столик подбросило в воздух и отшвырнуло в стену, а зеркало взорвалось, словно в нем был динамит. Разлетевшись вдребезги, несколько обломков мебели срикошетили в Джима. Выронив свой телефон, мужчина отшатнулся в сторону, прикрываясь при этом руками.

–Что за хрень?!– спустя несколько секунд затишья спросил он у Боба.– Мы же покончили со всеми! Кто это такой?

–Не знаю,– ответил мужчина, подхватывая свою сумку с пола.– Пошли отсюда. Нужно копнуть поглубже и разузнать про этого человека. Видимо, все это творил не Эдвард Блэк.

Зачерпнув еще одну пригоршню из мешка, они быстрым шагом рванули в сторону выхода. До двери оставалось всего два-три метра, как вдруг Джим услышал чьи-то всхлипы. Обернувшись через плечо, он увидел двух мальчишек десяти лет и женщину, стоящих неподалеку в коридоре и облаченных в белые одеяния, словно трупы, переодетые в морге.

–Помогите!– взмолилась женщина, не сводя с них своих голубых глаз.

Дети начали повторять за ней, говоря по очереди, и тут их одежда начала пропитываться кровью. На идеальных бледных лицах под глазами начали сформировываться черные круги, и из них тоже потекли кровавые слезы. Темно-красные струйки стекали тонкими ручейками и из ушей, и из обеих ноздрей, а женщина и дети все продолжали молить о помощи. Джим и Боб узнали их по фотографиям из газет и досье, которое нарыли на них.

–Это он виноват!– вдруг крикнула женщина, а дети начали вторить ей холодным шепотом, словно постепенно затихающее пещерное эхо.– Это он с нами сделал!

–Кто?– взяв себя в руки, спросил у призрака Боб.– Кто? Ваш муж, Эдвард?

–Нет!– она закричала еще громче.

–А кто?– спросил на этот раз Джим, но женщина молчала, продолжая истекать кровью.– Кто это был?!

Вдруг дети вытянули изрезанные ручки вперед и указали в сторону двери. Обернувшись, охотники увидели в полу-

метре от себя того самого мужчину, который дышал им в телефонную трубку Джима. Незвестный в костюме страшно зашипел, его челюсть отпала до груди, а глаза испещрились вздувшимися сетями красных капилляров. Боб швырнул в него пригоршню соли и серебра, зажатую в ладони. Послышался вопль боли, призрак пропал, а дом так тряхнуло, словно началось землетрясение. Выскочив на улицу, они подбежали к автомобилю и, запрыгнув в него, пытались отдышаться.

—Поехали в гостиницу,— спустя несколько минут, дождавшись, когда сумасшедший сердечный галоп придет к нормальному ритму, сказал Боб.— Нужно выяснить, кто это такой.

Джим согласно кивнул, и, достав трясущейся рукой ключи из кармана, только с четвертой попытки всунул их замок зажигания и завел двигатель машины. Перед тем как тронуться, мужчины взглянули на дом и увидели в окне лица женщины, которое было абсолютно чистым и без малейшей капельки крови.

Глава 2

Найдя в интернете ближайший отель, мужчины добрались до него всего за пятнадцать минут и, оставив автомобиль на парковке и прихватив с собой из всех вещей лишь ноутбук, папку с бумагами, деньги, и маленький чемоданчик с

чистой одеждой, они направились в гостиницу. У Джима так и чесался язык обсудить произошедшее со старшим и более опытным напарником, но он все же сдерживал себя, откладывая разговор.

Пройдя через почти пустующий холл к стойке администрации, за которой стоял молодой худой мужчина в красно-белой форме, они попросили выдать им ключи от какого-нибудь недорогого номера.

—Вам с одной кроватью?— отвлекаясь от клацанья по клавиатуре недорогого компьютера и подняв глаза на гостей, спросил администратор.

Боб был явно не в настроении, поэтому он посмотрел исподлобья на Ника Пирса (они прочитали его имя на нагрудной серебристой табличке), и спокойным, но преисполненным угрозы голосом ответил:

—Знаешь, умник, я же могу тебе и нос сломать.

Администратор прочистил горло и, неловко кивнув, вновь забарабанил по клавишам.

—Простите, но, знаете ли, такое тоже бывает. У нас же толерантная страна.

Спустя полминуты он предложил им перечень номеров, и мужчины, выбрав самую сносную цену, уточнили, что они снимают его на одну ночь. Оплатив, они получили электронную карту.

—У вас есть багаж, мистер?— участливо спросил Ник Пирс, пытаясь хоть как-то замять неловкий момент, но Боб отри-

цательно покачал головой.— Ваш номер «1705». Поднимитесь на пятый этаж...

—Мы найдем,— перебил администратора Боб и двинулся в сторону дверей лифта, чуть не задев стоявшего рядом белл-боя.

Поднявшись на пятый этаж, они повернули направо и, пройдя метров десять, нашли нужную дверь. Зайдя в номер, Боб положил компьютер и папку на стол, а Джим плюхнулся на небольшой диванчик.

—Слушай,— сказал он, разминая шею.— Я видел внизу бар. Может, сходим, опрокинем по паре стаканчиков?

—Хорошо,— кивнул Боб. Он, не смотря на позднее время, спать ничуть не хотел.— Только сначала душ приму.

—Точно, кивнул Джим,— я тоже не прочь.

Вымывшись и переодевшись в свежий комплект одежды, они вышли из номера (Боб оставил ключ-карту у себя), и вновь направились к лифту. Спустившись на первый этаж, мужчины вошли в отельный ресторанчик и подошли к идеально вымытой барной стойке, за которой стояла симпатичная девушка лет двадцати пяти, облаченная в одежду, похожую на ту, что и администратор.

Увидев рыжеволосую, чуть веснушчатую (по бокам переносицы) красавицу, Джим заулыбался, но не так энергично, как в те моменты, когда он полон сил. Эта улыбка была усталой и даже немного вымученной, словно парень, облачив-

шись в грубую неудобную плотную робу, весь день таскал на сорокоградусной жаре мешки с цементом.

—Нам, пожалуйста, два стаканчика «Early Times» со льдом,— сказал Боб, усаживаясь вместе с Джимом на высокие барные стулья.

Девушка, явно ирландка, кивнула, поглядывая одновременно с этим заинтересованным взглядом на Джима, и взяла с полки наполовину полную бутылку с напитком. Плеснув виски в два красивых граненных стакана, барменша кинула в каждый по три кубообразных, с выпуклыми сторонами, кусочка льда, и подала гостям.

Махом осушив их, мужчины попросили добавки, и девушка, ухмыльнувшись, налила еще.

—Тяжелый денек выдался?— спросила она, и молодые люди встретились взглядами.

—Не то слово, юная леди,— сказал Боб, заметив, что Джим не отвечает, и все с той же улыбкой смотрит на Селену (имя он прочитал на ее табличке, приколотой к одежде на груди).— Не то слово.

На свое удивление Боб заметил, что внутри его всего до сих пор трясет. Обычно охоту и встречи с призраками (кроме самой первой) он переносил нормально, какими бы мерзкими они не были, но эта женщина с детьми... они зацепили какую-то спрятанную струну в его душе, и она до сих пор колыхалась и пела. А тот мужчина в шляпе и с синей шеей. Вывод был очевиден. Для гарроты такой след был слишком

широким, к тому же шея была изрядно повреждена. Повешенье, почти на девяносто процентов, но вот только неизвестно, сам он повесился, или ему кто-то помог? «Во всяком случае,— думал еще в машине, по пути в отель, Боб,— необходимо узнать, кем был при жизни этот сукин сын, и где лежат его кости. Ох, надеюсь, его никто не додумался кремировать».

—Работа?— продолжала интересоваться девушка, не отводя взгляда от Джима.

—Да,— думая о чем-то своем, кивнул ей молодой человек, отхлебнув при этом немного виски.— Охота выматывает.

—Охота?— не поняла Сесилия, натирая сухим полотенцем один из стаканов.

Боб смотрел перед собой и, хоть и подумал о неосторожности напарника, все же не переживал. Они, конечно, никогда не скрывали свою деятельность, но все равно старались не болтать о работе направо и налево, да и, к тому же, у Джима был врожденный талант к вранью.

—Да,— замявшись на одну миллисекунду, которую заметил только Боб, ответил Джим.— Мы журналисты, и в шутку между собой называем это *охотой*.

Девушка засмеялась, и Боб, по интонации этого смеха до конца удостоверился, что он здесь «*третий лишний*». Махом допив оставшийся в стакане виски, мужчина со стуком поставил его на столешницу и, положив рядом деньги за выпивку, вылез из-за барной стойки.

–Джим,– позвал он напарника, и парень, с трудом оторвал взгляд от Селены.– Позволь мне тебя украсть на пару минут.

Отойдя в сторону, они встали рядом с небольшой картиной, немного кривовато висящей на стене.

–Ну, и что ты думаешь?– спустя несколько секунд молчания спросил Джим.– Мы же сожгли кости детей и их матери, они должны были уйти. Как такое может быть?

–Видимо, дух того человека, что напал на нас, держит их в том доме,– ответил Боб, сложив руки в замок у себя за спиной.– Только осталось узнать, кто это. Этим я и планирую заняться.

–Ты спать что, не собираешься?

–Нет,– покачал головой Боб.– Этой ночью я точно не смогу уснуть («В отличие от тебя»,– подумал он), особенно зная, что у нас еще незаконченная работа.

–Эх,– вздохнул Джим, оглянувшись на девушку.– Надеюсь, этого хрена не кремировали.

То, что их мысли частенько совпадали, было довольно забавно. Хохотнув, Боб направился к выходу из бара. Вызвав лифт, двери которого сразу же открылись, мужчина вошел внутрь и нажал кнопку пятого этажа. «Да,– с полуулыбкой на губах думал Боб, слушая тихий шум поднимающегося лифта.– Не зря говорят, что с кем поведешься, от того и наберешься».

Двери после коротенького сигнала разъехались в стороны, и Боб повернул направо и дошел до их с Джимом номера.

Отыскав в кармане ключ-карту, мужчина приложил ее к датчику и вошел внутрь. Зайдя на небольшую кухню, он пролез по ящикам и с удовлетворением заметил пачку черного растворимого кофе и сахарницу. Вытащив все это дело и поставив на стол, Боб вскипятил чайник, налил воду в кружку, наблюдая, как она окрашивается и превращается в *горькую водичку* – как называл его Джим, не любивший кофе и предпочитавший из безалкогольных напитков зеленый чай.

Чай был единственным фетишем Джима, он без него не мог жить, поэтому у молодого человека всегда была припасена маленькая пачка китайского Хуаншань Маофэн.

Насыпав в стакан с кофе сахара, Боб уселся на стул, открыл крышку ноутбука, и прихлебнул *горькую водичку*.

–Ну что же, начнем, пожалуй.

Когда за окном рассвело, Селена направилась в бар, сменить своего напарника, а Джим, на прощание чмокнув ее щеку, пошел в свой номер «1705». Постучавшись, охотник простоял несколько секунд в ожидании. Вдруг дверь открылась, и из проема показалось лицо Боба. Развернувшись, мужчина направился обратно к столу, а в его руке, приложенной к правому уху, Джим заметил мобильный телефон.

–Да, спасибо, ага... да, я понял. Мы будем. Все формальности входят в оплату. Все... да... хорошо, до свидания. И вам.

Он нажал кнопку сброса вызова и посмотрел на Джима.

–Доброе утро,– поздоровался Боб.

–Не то слово,– ответил ему напарник, зайдя на кухню и набрав из-под крана воды.– Ну, так что? Ты что-нибудь нарыл?

–Пока ты развлекался? Да,– кивнул Боб, широко при этом зевнув и прикрыв рот кулаком.– Это было на удивление просто.

–Так с кем мы имеем дело?– с выдохом усаживаясь рядом с другом, спросил Джим.

–С неким Заком Джексонном,– ответил мужчина, читая информацию из ноутбука и листая вниз движением пальца по сенсору.– Умер в возрасте пятидесяти трех лет, а точнее, как я и предполагал, покончил жизнь самоубийством. Повесился на чердаке на одной из балок. В свое время он был очень богатым брокером, но обанкротился, и на этой почве свел счеты с жизнью. Но некоторые поговаривали, что он был психопатом с маниакальными наклонностями. В те времена про него водилось множество слухов. Люди поговаривали, что он насиловал и убивал замужних женщин, перерезая им горло от уха до уха, а затем выкидывал в мусорные баки по всему городу, но доказать его вину так и не смогли. Называли его «улыбчивым убийцей». Вот же у народа есть странный обычай давать всему имена. Короче говоря, Зак этот сволочью был редкостной.

–Видимо, не стал изменять привычкам,– невесело хмыкнул Джим, и, решив заварить себе свой любимый Хуаншань

Маофэн, поднялся со стула, подошел к столу и нажал на кнопку чайника.

– Похоже на это, – кивнул мужчина. – Запудрил мозги Эдварду Блэку и заставил его перерезать всю свою семью, а когда тот отошел в тюрьме и осознал, что сделал, то не выдержал и тоже совершил самоубийство. Бедный мужик. Нравится же подобным тварям рушить человеческие жизни.

– Ты знаешь, где похоронен этот Зак? – спустя полминуты молчания задал вопрос Джим.

– Уже да, – кивнул Боб. – Поедем ночью.

– Как всегда. Мы же ночные охотники.

– Да. И лучше не бахвалиться об этом каждой встречной девчонке.

– Хватит тебе. Кстати, а кто тебе звонил? – вспомнил молодой человек о телефонном разговоре, который он застал, придя в номер.

– Предлагали работу, – Боб вышел из-за стола, закрыв при этом крышку ноутбука, и вновь широко зевнул. – Какой-то отель в России, рядом с Москвой. Называется «Падающая звезда», или как-то так. Говорят, жуткое место. Я решил, что мы должны им заняться.

– Серьезно? – удивленно вздернув брови, спросил его Джим. – Поедем в Россию?

– Да. Заказчик пообещал оплатить нам билеты в обе стороны и довольно неплохой гонорар. К тому же, я ни разу не был в Москве. Можешь ехать и покупать балалайку.

Они засмеялись. Затем мужчина устало потянулся и, попросив не будить его, по крайней мере, до двух часов дня, удалился в спальню, оставляя Джима в одиночестве пить свой горячий свежесваренный зеленый чай.

—Кстати,— позвал удаляющегося друга Джим.— А как он о нас узнал?

—Говорит, порекомендовал кто-то, кому мы уже помогли когда-то,— ответил мужчина, и скрылся в другой комнате.

Глава 3

Две недели спустя

Достав из багажника такси два небольших чемодана, Джим поставил их на асфальт, одновременно с этим размышляя над будущим заданием. Достав из кармана несколько купюр российской валюты и вручив их таксисту, который, пытаясь скрыть радость на своем лице (молодой человек по своему незнанию дал ему в два раза больше, чем нужно), попрощался и торопливо укатил прочь в неизвестном направлении.

—Как думаешь,— отвернувшись от уносящейся машины, спросил он у Боба, стоящего неподалеку и докуривающего свою первую, из новой пачки, сигарету,— дело стоящее, или какая-нибудь фантазия выжившего из ума старика?

—Думаю, что да,— пожав плечами, сказал мужчина.— А-то стал бы он нас за такие деньжищи звать из Нью-Йорка сюда.

Кинув докуренную до фильтра сигарету, Боб размазал ее подошвой массивной туфли по асфальту и взял за ручку свой темно-синий чемодан.

–Бросал бы ты эту гадость,– покачал головой Джим.– Она тебя в гроб загонит.

–Не раньше, чем наша работа,– хмыкнул Боб и покати́л чемодан следом за собой.

Приезжих встречали у дверей двое: обрюзгший белл-бой лет сорока пяти, одетый в замызганную форму и стоящий прямо перед входом, и администратор позади него, все такой же худой, что и три года назад, когда к ним навевывался в компании со своей несчастной пассией Алексей Гром.

–Добрый день,– поприветствовал их Сергей Вестник хорошо, свободно говорящий на английском, и одновременно с этим подходя ближе.– Позвольте доставить ваш багаж в номер?

–Хорошо, только будьте очень аккуратны,– кивнул Боб, отдавая чемоданы белл-бою.– Там есть очень хрупкая техника, без которой мы не сможем выполнить свою работу.

–Да-да, разумеется,– ответил вместо мужчины администратор.– Извольте пройти за мной, я отведу вас к владельцу отеля, который одновременно с этим является и его управляющим.

Белл-бой же, не произнеся ни слова, перекрестился, взял их багаж и потащил его к лестнице, пыхтя при этом, словно кабанчик, поднимающийся трусцой в гору. Следуя за Серге-

ем, Боб и Джим прошли по правую сторону от стойки, завернули в узкий коридор и уперлись в темно-коричневую дверь, рядом с которой висела табличка с именем «Фил Туллис», выгравированным толстыми черными буквами. Имени заказчика они не знали, поэтому, прочитав надпись, удивленно переглянулись.

–Мистер Туллис вас ожидает, прошу,– отойдя вбок от двери, сказал администратор, и Джим, не дожидаясь своего старшего напарника, даже можно сказать, начальника, без стука вошел в комнату.

Кабинет владельца отеля «Падающая звезда» был таким, словно его вырезали из чьего-то богатого дома и вставили в здание отеля. Комната была тусклой, с зашторенными окнами, и освещаемая дуэтом лампочек люстры и пляшущими рыжими языками пламени в небольшом, отделанном диким полированным камнем, камине. Пол устилал темно-серый, без каких-либо кружков или квадратиков однотонный ковер, заканчивавшийся утолщенный плотным краем только рядом с прямоугольным коричневым столом.

Фил Туллис – шестидесятисемилетний мужчина, одетый в старенький коричневый, на несколько тонов светлее стола и располосованный в серую клетку, костюм, стоял рядом с камином и неморгающим взглядом наблюдал за танцем пламени. Услышав звук открывающейся двери, он перевел свой мутный взгляд на пришедших.

–Здравствуйте, мистер Туллис,– поздоровался с хозяином

отеля Джим.

Представив себя и Боба, он прошел вглубь комнаты и остановился рядом с мужчиной.

–Добрый вечер,– спустя несколько секунд довольно приятным бархатистым голосом ответил мистер Туллис, протягивая по очереди каждому гостю свою руку.– Прошу, присаживайтесь,– он указал на небольшой кожаный диванчик.– Может, вы хотите выпить?

Заметив, как у Джима блеснули глаза, Боб отрицательно покачал головой.

–Спасибо, но нет. Перед работой мы предпочитаем сохранять трезвый рассудок,– усевшись на диван, охотники наблюдали за тем, как мистер Туллис подошел к своему столу и откупорил красивый графин с темной жидкостью.

–Я вас понял. Профессиональная этика,– хозяин отеля плеснул коньяка в один из стаканов и закупорил графин.– А я, пожалуй, выпью. Как долетели?

При слове «долетели» Боб заметил, как лицо Джима слегка побледнело. Паренек до такой степени боялся путешествий на воздушных транспортах, что только от одного упоминания о них ему становилось дурно и чудовищно хотелось выпить. Он, смотря на графин, едва заметно облизнул свои губы.

–Хорошо,– продолжал отвечать Боб.– Мистер Туллис, давайте поговорим о деле. Скоро начнет темнеть, а мне с напарником еще нужно приготовить и оборудовать комнату,

так что...

–Разумеется,– кивнул хозяин отеля, присаживаясь на свой стул и держа тонкую ножку гладкого пузатого прозрачного стакана между средним и безымянным пальцами правой руки.

–Мистер Туллис, расскажите нам всю правду, без утаек и секретов, потому что от этого напрямую зависит результат работы. В таком деле нам нужно располагать полным объемом информации, чтобы увеличить шансы на успех и на то, что мы останемся живы. Расскажите, когда это началось, из-за чего, ну и тому подобное.

Джим, держащий все это время руку в кармане, вытащил ее и положил на ногу, незаметно держа в ладони маленький, уже пишущий диктофон. Они всегда записывали разговор с заказчиком, чтобы можно было прослушать его во время задания и освежить информацию в памяти.

–Начало происходить все это три года назад,– глубоко вздохнув и отхлебнув немного коньяка из стакана, без каких-либо отступлений начал рассказывать Фил Туллис. Попутно с этим он подошел к камину.– После смерти молодой девушки в отеле, в номере «24».

–Смерти?– перебил его Боб, слегка прищурился правый глаз (он всегда неосознанно так делал, когда старался сосредоточиться и не упустить ни малейшей детали).– От чего?

–Ее убили,– ответил мистер Туллис и бесшумно пригубил напиток.

–Каким образом?

–Тогда была ночь двадцать шестого мая. К нам вместе с одной прекрасной молодой особой, промышлявшей проституцией в элитном московском «агентстве», приехал знаменитый в то время бизнесмен Алексей Гром.

Джим заметил, как глаза мужчины увлажнились. Владелец «Падающей звезды» сделал еще один глоток и, подойдя и поставив стакан на стол, достал из ящика стопку бумаг, передал ее мужчинам, а затем приблизился к шкафчику и, открыв дверцу, вытащил красивую шкатулку для сигар ручной работы.

–И что дальше?– поторопил его Боб, переводя взгляд на бумаги.

–Я не знал, что у этого психа на уме. Думал, мужик просто устал от пилящей его мозг жены и решил испытать новых ощущений, но не таких же,– мистер Туллис расстегнул пуговицу на своем пиджаке и сев на стул, откинулся на его мягкую спинку.– Он снял все номера гостиницы и заплатил нам столько, что мы не стали задавать лишних вопросов. К тому же угрожал, что если мы проговоримся хоть кому-нибудь о том, что он здесь был, и тем более с кем, то нас всех попросту уничтожат. Но буквально спустя две недели после того, как он здесь «развлекся», Алексея Грома взорвали в его же машине, когда он уезжал из ресторана после обеда. Громкое происшествие тогда было, кстати говоря.

–После того как мистер Алексей закончил и покинул но-

мер, он велел нам разобраться с «беспорядком» в комнатах и торопливо уехал. Когда мы вошли, то нашли девушку изуродованной и раздетой догола в туалете. Она была вся изрезана ножом, в кровоточащих ссадинах и синяках, без безымянного пальца, а на ее шею была намотана простыня с кровати. Боже мой всемогущий,— голос мистера Туллиса дрогнул, и он осушил стакан двумя большими глотками, затем налил себе еще половину и, не говоря ни слова, вновь ее осушил.— Я, конечно, знаю, что люди бывают очень жестоки, но никогда не думал, что увижу такое чудовищное зрелище воочию.

Справившись с дрожью, прошедшей через все его тело, мужчина отрезал часть сигары, закурил, и, нетерпеливо встав со стула, начал расхаживать по кабинету.

—Когда мы поняли, что произошло, то я сразу же решил звонить в полицию, но Сергей, администратор, меня переубедил. Он оказался прав. Алексей Гром был чудовищно богат и влиятелен, и если бы мы написали полисменам о том, что он жестоко изнасиловал и придушил проститутку, это был бы приговор. Меня и весь персонал в лучшем случае закрыли бы в тюрьме, а в худшем попросту перестреляли из автомата прямо в этом отеле, а потом сожгли бы «Падающую звезду» дотла вместе с наши трупами. Должен вам сказать, что за всю свою жизнь я не чувствовал и половины того ужаса, что испытал в тот момент.

—Что вы сделали?— спросил его Джим, чувствуя, как ладонь, сжимающая пишущий диктофон, начинают потеть.—

Когда обнаружили тело.

—Мы погрузили бедняжку в багажник моей машины, отвезли километра на два от отеля, и сожгли на пустыре.

—Вот черт,— ругнулся Боб.— Беда.

—В каком смысле?

—Один из способов избавления от призрака, который мы используем чаще всего,— ответил мужчина, почесав коленку,— достаточно прост. Нужно просто найти кости мертвеца, которые принадлежат неупокоенному духу, полить их святой водой с примесью соли и крошек серебра, и сжечь. Если останки принадлежат призраку, то они вспыхнут так, словно их окунули в бензин и обваляли в порохе. Но теперь, если конечно там есть призрак, нам придется разбираться с ним по-другому. Но с чего вы взяли, что он там есть?

—Не знаю на счет призрака, но что-то там точно есть. Приблизительно за три года там было совершено двенадцать самоубийств, и тринадцать смертей по естественным причинам,— мистер Туллис сделал недолгую паузу, наблюдая за реакцией охотников.— Сердечные приступы, insulty. А вот... я специально перевел их на английский язык,— он кивнул в сторону бумаг, которые Боб сжимал в своих руках.— Сами посмотрите. Люди вешались, перерезали в ванной сами себе вены и глотки, в лучшем случае наглатывались таблеток. Был даже один мужчина по имени Кристофер Додсон, одинокий турист из Канады. Примерно год назад он утопился в унитазе. Не представляю, как ему это удалось. Еще очень странное

самоубийство было у Глеба Потавски, он, лежа на кровати, расчесал себе горло настолько сильно, что дошел до пробил трахею и захлебнулся в собственной крови. Еще была Елена Шевчук, это была самая жуткая и странная смерть. Мне еще месяц после увиденного снились кошмары. Она взяла кухонные ножи, их увесистую деревянную подставку, и прибила себя ими к полу. Обе ноги и левую руку. А свободной распорол себе живот.

—Ох, ты,— выдохнул Джим, прочистив горло и глядя одновременно с этим в документы. Боб рассматривал фотографию женщины, и по его телу прошла мелкая дрожь.— Скажите, когда была последняя смерть?

—Месяц назад,— сразу же ответил владелец «Падающей звезды», словно с самого начала беседы ожидал этого вопроса и без конца прокручивал слова у себя в голове.— Молодая женщина направлялась в Москву. Ее нашли на кухне с ножом в груди. После этого случая я позвонил вам. Эта гостиница принадлежит мне вот уже двадцать лет, она досталась мне от отца. Мы всей семьей, продав в Америке все свое имущество, иммигрировали в Россию. Я бы давно мог продать мой отель, или даже велеть снести его к чертовой матери, но не могу. Он единственное, что осталось у меня от родителей, поэтому я вынужден просить помощи у вас.

—А почему попросту не закрыть тот номер и все?— спросил мужчину Боб.— Никого не пускать туда. Ведь самоубийства происходят только там, верно?

—Точно,— кивнул мистер Туллис,— но все не так просто. Я уже думал об этом, и закрывал его, но постояльцы начали жаловаться на всякие разные звуки, доносящиеся из номера «24». Грохот бьющейся посуды, мученические стоны, мольбы о помощи, истерический смех, вой и трупные запахи, доносящийся из вентиляции в других номерах, звук льющейся воды, стук по трубам. У моего отеля в последние полгода количество посетителей уменьшилось в два раза, пошли слухи. Один раз даже приезжал журналист-писатель, желающий «раскрыть»,— мистер Туллис насмешливо сделал знак «кавычки» пальцами рук, и затаился,— наш рекламный трюк и рассказать всем, что это лишь способ пиара, но на следующий день его нашли мертвым, на кровати с простреленным виском и короткоствольным револьвером в правой руке. Полицейские не верили, что никто, ни персонал, ни гости не услышали звук выстрела, но после экспертизы они нашли следы пороха на руках самоубийцы, к тому же дверь и окна были заперты изнутри. Никто и никогда не слышал ни единого звука из номера «24», когда в него кто-либо вселялся. Вы сможете что-нибудь с этим сделать?

—Постараемся,— укоризненно смотря на мистера Туллиса, сказал Боб.— Вы нас проводите в номер?

—Да, конечно,— поднимаясь со стула и кладя дымящую сигару в прорезь в пепельнице, ответил он.— Наши горничные, должно быть, уже заканчивают уборку. По пути, кстати, вы можете зайти в наш небольшой ресторанчик и купить себе

попить или поесть. Я это к тому, что после захода солнца к вам туда никто не придет, все очень боятся. Персонал туда даже днем с трудом удается загнать. У одной уборщицы, подрабатывающей на пенсии, представьте себе, спустя пятнадцать минут пребывания в 24-ом номере оторвался тромб. Прошу за мной, пожалуйста.

Глава 4

Поднявшись по поскрипывающим деревянным ступенькам на второй этаж и сжимая в руках по бутылке купленной несколько минут назад простой газированной воды, Джим и Боб в компании мистера Туллиса свернули налево и двинулись по коридору, освещенному большими светильниками, расположенными на стенах, почти касаясь потолка, на расстоянии примерно двух метров друг от друга.

По пути к номеру охотники расспрашивали хозяина «Падающей звезды» об особенностях всех самоубийств и смертей, произошедших в номере «24». «Были ли у них странные повреждения, раны в виде символов или надписей, предсмертные записки, или что-то вроде этого?» – стандартная цепь вопросов, когда дело касается призраков.

– На счет повреждений я понятия не имею, я же не патологоанатом, – с безмятежностью отвечал мистер Туллис, покачал головой. – Внешних странностей, если не считать сломанных синих шей, перерезанных вен, пен на губах и про-

стреленных висков, вроде не было.

–Извините, можно вопрос немного не по теме?– за несколько метров до нужной двери спросил мужчину Джим.

–Да, конечно.

–Меня немного смущает то, как спокойно вы говорите обо всех этих жертвах. Я только раз видел переживание на вашем лице, когда вы рассказывали про первую умершую, проститутку. Почему именно ее кончина?..

–После двадцати пяти смертей я как-то, как бы это ужасно не звучало, начал привыкать к ним,– грустно вздохнув, ответил мистер Туллис, не дав Джиму договорить.– Нет того ужаса и дрожи в руках, лишь горечь и усталость. Я думаю, то же испытывают полицейские, выезжающие на свой пятидесятый в карьере вызов и видящие в квартире изувеченный труп. К этому привыкаешь, но, правда, это не перестает пугать, просто страх немного меняет свое обличье. Ко всему привыкаешь,– последнюю фразу он произнес на манер «C'est La Vie».

Мистер Туллис еще несколько секунд что-то шептал себе под нос словно мантру, но делал это настолько тихо, что охотники его не расслышали. Вдруг на расстоянии трех метров от них открылась дверь, и из нее, катя небольшую двухэтажную тележку, заставленную флакончиками и заваленную тряпочками, вышли две женщины. Одна, та, что вышла первой, была со светлыми короткими кудрями и полным животом, а вторая с темненькими патлами до плеч и средним

телосложением. Увидев приближающихся мужчин, они остановились и слегка прикрыли дверь в номер, оставив лишь узкую щель.

—Здравствуйте, мистер Туллис,— поприветствовала по-русски босса полная женщина.

—Здравствуй, Наталья. Все готово?

—Да,— кивнула женщина, и посмотрела на Джима и Боба полным сожаления и соболезнования взглядом, будто они уже были «без пяти минут трупы», словно невинные арестанты, которых ведут на плаху, чтобы казнить на гильотине и насадить их отсеченные от тел головы на пики.

Не сказав больше ни слова, уборщицы торопливо удалились.

—Сколько вам понадобится времени?— спросил мужчина у охотников, вновь переходя на английский и вручая ключ от двери номера Бобу.

—День, может два, зависит от степени сложности,— ответил Джим.

—Я надеялся, вы скажете, что несколько часов,— покачал головой мистер Туллис.— Вам точно необходимо оставаться там на всю ночь? Насколько мне известно, именно ночью наступает пик активности. Может, поработаете до темноты, перекантуетесь в другой комнате, а на утро продолжите?

—Почти все призраки активны ночью. Вы не волнуйтесь,— попытался успокоить его Джим, дотронувшись до ручки двери.— Мы профессионалы. Это не первая тварь, с которой нам

приходится иметь дело. Тем более, нужен непосредственный контакт с этим существом, а мы, в случае чего, сможем от него защититься. Мы знаем, как от подобного защищаться.

Мистер Туллис смерил мужчин неодобрительным взглядом, мол: «Ну-ну»,— но все же согласно кивнул и, пожелав им удачи, пошел в обратную сторону.

—Джим, ты же знаешь что после фразы «мы профессионалы» обычно все идет через задницу,— цокнув языком, отчитал его Боб.

—Да ладно тебе,— отмахнулся в ответ молодой мужчина, не придав сказанному большого значения, и они вошли в номер.

Заметив свои чемоданы, стоящие у самой двери, они оттащили их к круглому кухонному столу.

—Ну что,— сказал Боб, расстегивая молнию.— Приступим.

Достав пачку маленьких камер с опцией ночного виденья, охотники в полном молчании разошлись по номеру и развесили приборы во всех уголка номера так, чтобы просматривался почти каждый сантиметр всех трех помещений. Закончив всего за каких-то полчаса, они уселись на стулья за круглым кухонным столом, и Боб достал ноутбук, с которого охотники могли просматривать видео, снимаемое видеокамерами, которые они называли «маленькие шпионы».

—Даже как-то не вериться, что здесь расстались с жизнью двадцать пять человек,— покачав головой и немного отпив из своей бутылки газированной воды, сказал Джим.— Сколько

мы с тобой уже занимаемся всей этой... всем этим,— он еще раз припал к горлышку бутылки.— А я не перестаю удивляться. Кстати, давно хотел спросить. Ты когда-нибудь задумывался над тем, чтобы бросить охоту и заняться чем-нибудь другим?

—Нет,— категорически покачал головой Боб.— После того... случая... нет. Я не остановлюсь и уничтожу столько нечисти, насколько у меня хватит сил. Но ты. Тебе я советую завязать с этим.

—Да как же я могу бросить тебя одного,— покачал головой Джим, пытаясь не улыбаться.— Вот дождусь, когда ты отбросишь копыта, и тогда завяжу.

Боб удивленно посмотрел на напарника, и, увидев еле заметную улыбку, все же просочившуюся сквозь его безмятежную маску, расхохотался. Через несколько секунд прорвало и Джима, и вот они оба смеялись на весь номер отеля (вы можете спросить, что же в этой шутке смешного, но уверяю, Джим и Боб сами не знали, почему они смеются; наверняка все дело было в чрезвычайном напряжении, а может и в чем-то другом).

—Чем бы ты хотел заниматься?— через минуту спросил его в ответ Боб.— Когда бросишь охоту.

—Не знаю, не думал пока об этом (ложь, но Боб на этот раз ее не раскусил),— пожал плечами молодой человек, водя по горлышку бутылки пальцем и, как бы не всерьез, продолжил.— Может, стану писателем. Историй и воспоминаний-то

у меня будет предостаточно.

–Ты думаешь, у тебя получится?

–А что? Почему нет?

–Для этого недостаточно просто желания и воспоминаний. Тут нужен определенный склад ума...

–Предрасположенности у меня к этому есть.

–Интересно,– удивленно изогнул брови Боб.– Какие же?

–Я люблю алкоголь,– ответил Джим, и они вновь рассмеялись.

–Все, подключил,– спустя несколько минут после того, как они успокоились, сказал Боб, выводя картинки со всех камер на экран в виде таблицы из квадратиков.– Достань еще измеритель ЭМП, и пока можно отдыхать.

Выполнив поручение, Джек положил прибор на стол и, включив небольшой плазменный телевизор, стоящий на кухонном столике рядом с холодильником, принялся изучать бумаги и вырезки из газет с информацией о самоубийцах. Боб, же будучи более сильным параноиком в силу своего возраста, забрал у молодого напарника диктофон и отправился на повторный, более подробный осмотр апартаментов, одновременно с этим развешивая колокольчики на ручки всех дверей, что имелись в номере «24».

–Спальная комната небольшая. Прямо посередине стоит двуспальная кровать, с обеих сторон расположены небольшие деревянные тумбочки. Пустые. Слева от кровати находится средних размеров темно-коричневый шкаф, на

вид...— он провел по нему пальцами,— на вид довольно старый. Над кроватью висит картина с изображением пса и маленькой девочки, стоящей в углу. Довольно симпатична работа, между прочем. Так... проход в комнату широкий, дверь отсутствует,— Боб, проведя пальцем по шершавым обоям, вышел из спальни.— Туалетная комната одна, находится рядом с входной дверью. Небольшая белая ванна с зелеными занавесками, зеркальце над округлой эмалированной раковиной.

Нажав на кнопку паузы, Боб подошел к столу и сделал несколько глотков воды из бутылки.

—Представляешь,— сказал ему Джим, просматривающий документы,— здесь действительно был мужик, утопившийся в унитазе. Его звали Глеб Трофимов. Господи, ну и имена у этих русских, язык свернуть можно. Так вот, этот самый Глеб забил его полотенцем, чтобы вода не могла уйти по трубе, смыл бачок и утопился в скопившейся воде. Но даже это куда ни шло по сравнению с расчесанным горлом. Что же, чтоб меня, здесь твориться-то?

—Не знаю,— пожал плечами Боб.— Вот и посмотрим. Эти дурни спалили кости, значит, нужно найти еще какие-нибудь уязвимые места, с помощью которых можно будет упокоить призрака.

Он вновь включил диктофон и принялся рассматривать гостиную.

—В номере есть лишь одно единственное окно. Оно рас-

положено напротив круглого стола. А под столом, хм... под столом лежит ковер, совершенно не подходящий на это место.

Присев на корточки, Боб ощупал ворсинки ковра, и чуть приподнял его.

—А это, видимо, следы от ножей,— сказал мужчина, заметив на полу узкие дыры,— которым та женщина прибила себя к полу. Жуть.

Быстро вернув ковер на место и чувствуя холодок, дунувший мерзким ветерком в груди, Боб поднялся и нажал на кнопку прекращения записи.

За чистым, без единого пятнышка или развода окном сгустилась ночь, заслонив взоры людей черной, неизвестно какие жуткие вещи таящей внутри себя, непроницаемой пеленой. Абсолютно все люди страшатся темноты. Кто-то сходит с ума от ужаса, кто-то боится, а кто-то просто чувствует себя в ней некомфортно. Но если кто-то говорит, что он вообще не боится темноты — то он лжет, либо вам, либо самому себе. Ночь — это тьма, а тьма — это неизвестность, а, как известно уже очень давно, все бояться неизвестности, в той или иной степени. Бывает, выглянешь после захода солнца в окно, и вроде бы все прекрасно, либо звезды сияют с неба, одаривая Землю своим ледяным, бесчувственным и безразличным свечением, либо даже их ночь не пропустила сквозь себя, и вроде бы красиво, но все же внутри сидит какое-то

странное чувство, щекочущее своими ледяными пальчиками внутренние струны души и сердце. Так и кажется, что на тебя кто-то смотрит, выглядывая из-за кустов и скаля свои острые бритвенные клыки, которые оно надеяться погрузить в твое тело и разорвать его на части, пока ты спишь и нечего не подозреваешь. А когда ты поворачиваешься к нему спиной, чтобы попить воды, оно появляется прямо у окна и смотрит на тебя своим вождевающим взглядом и бесшумно царапает оконное стекло. Ты же чувствуешь его тяжелый взгляд, но когда оборачиваешься, то там уже ничего нет, но чувство беспокойства все равно не покидает. Никогда не знаешь, что живет ночью за твоим окном и заглядывает в него, наблюдая за твоим мерным сонным дыханием и облизывая свои сухие, изголодавшиеся по плоти губы. Это те, кто живут в ночи. Кто живет за окном, и ждет, когда ты потеряешь бдительность.

Именно эти существа в основном и являются причиной пропажи большинства людей. Бывает, вышел человек ночью из дома, и больше его никто никогда не видел, даже следов никаких не осталось. В большинстве случаев этими чудовищами оказываются другие люди, кровожадные и безжалостные, упивающиеся страданиями других, но бывает и такое, что виновниками выступают настолько страшные существа, что только лишь от одного их вида у человека может от страха разорваться сердце. В основном большинство людей за свою жизнь никогда их не встречают, но все же нутром ощущают их вечное ночное присутствие. Но есть и те, кому не

повезло, и надеждой таких невезучих бедняг, обделенных Фортуной, могут быть только охотники. Настоящие, а не те идиоты, которые насмотрятся фильмов ужасов или других таких же дураков, и идут покупать камеры, надеясь разбогатеть, прославиться, и стать популярным среди женщин, которые их в настоящее время даже не замечают. Настоящие охотники, которые столкнулись с чудищами в реальной жизни, не очень любят выставлять себя напоказ, и выйти на них можно только через определенные круги людей.

Сидя на стуле и выглядывая в окно, Джим краем уха слушал телевизор, по которому шла какая-то русская, судя по всему, научная телевикторина, в которой за круглым столом сидели шесть умников и отвечали на каверзные вопросы ведущего, мужчины средних лет, одетого в классическом костюме и обладавшего внушительно длинным носом. Ничего не видя и смотря сквозь время, молодой человек вспоминал небольшой домик на побережье океана в Доминикане.

Когда-то он жил там, но переехал учиться в Америку, а потом жизнь как развернулась, трижды повернулась, и так и не дала ему вернуться обратно. Родители Джима умерли около четырех лет назад прямо друг за другом в течение нескольких дней (он узнал это из звонка юристов), и все наследство – дом и все, что в нем, досталось ему, как единственному наследнику. Он до сих пор стоит в одиночестве, дожидаясь, когда же наконец вернется его единственный бестолковый владелец.

Вдруг послышался звук смывающегося унитаза, который на несколько мимолетных секунд показался слишком сильно замечтававшемуся Джиму шумом океана, который он так любил слушать в детстве сидя на песчаном берегу, и из туалетной комнаты вышел Боб, вытирая мокрые от воды руки о штаны.

—Сколько времени?— пройдя мимо него и приблизившись к окну, спросил он, выглядывая в темноту.

—Десять минут двенадцатого,— ответил Джим, почесав коленку одной из заброшенных на стол ног, как вдруг до их ушей донесся скрип приоткрывшейся двери туалета и легкий звонок колокольчика, еле заметно колышущегося маятником на ручке.— Ты не плотно ее закрыл?

—Не знаю,— пожал плечами Боб, смотря туда же.

Приблизившись к двери, он приоткрыл ее и включил в туалете свет. Спустя несколько секунд мужчина вновь вышел, и на этот раз потянул дверь на себя, пока не услышал щелчок.

—Вроде бы сама. Но все равно гляди в оба гла...

—И ЭТО ПОБЕДА-А-А!!!— неожиданно, по-английски, заорал телевизор на полную катушку, и Джим, дернувшись от неожиданности, подался назад и свалился на пол вместе со стулом.— БЕЗОГОВОРОЧНАЯ, БЕСКОМПРОМИССНАЯ, НЕОСПОРИМАЯ ПОБЕДА КАСПЕРА НЕСВЬЮ! ПОЗДРАВИМ ЕГО ВСЕ ВМЕСТЕ, ДРУЗЬЯ!!!

Телевизор же, пока мужчины были дезориентированы,

продолжал жить своей жизнью. Переключая каналы через каждую секунду, он был так громок, словно включенный на все сто с лишним процентов рупор. Опомнившись, Боб, пока Джим поднимался, подскочил к телевизору и начал тыкать на кнопку выключения, но он продолжал орать, перещелкивая каналы уже с пулеметной скоростью. Слова разных телеведущих и актеров разрывались на части, и поначалу это было просто беспорядочное икание, но спустя несколько секунд они начали складываться, словно пазл, в какую-то фразу.

–В-ы у-м-р-е-т-е!– кричал телевизор голосами мужчин, женщин и детей, по буквам складывая слова. Восклицания были то веселыми, то грустными, то напуганными, то смеющимися, и все они говорили одно.– В-ы у-м-р-е-т-е, в-ы у-м-р-е-т-е!..– и так без остановки.

Боб, не зная, как это прекратить, выдернул штекер телевизора из розетки, но тот не перестал работать. Неожиданно картинка на нем сменилась, и мужчины увидели свое изображение, снимаемое камерой, прилепленной в углу рядом с дверью, ведущую в номер «24». Но через секунду картинка сменилась вновь, и на этот раз Джим лежал на кухонном столе, весь в крови, а из его голой груди торчал длинный нож, вогнанный в тело по самую рукоять. Боб же находился рядом, с перекошенным лицом и выпученными глазами, словно при базедовой болезни болтаясь в петле и подрыгивая ногами в предсмертных конвульсиях. На обоих лицах мужчин

застыли довольные улыбки. Они улыбались, словно счастливые дети, получившие желанный подарок на рождество, но улыбка эта была полна неопишемого ужаса.

Вдруг за мертвыми телами охотников, в углу, рядом с окном, появился темный безликий человеческий силуэт. Он медленно поднял свою тонкую руку и помахал им в камеру. По всей комнате начали появляться и другие, но они, в отличие от первого, имели четкие человеческие очертания. Их было не меньше двадцати, и все они смотрели на мертвых охотников. Один из них, мужчина лет тридцати, достал из кармана вельветовых штанов небольшой перочинный ножик и подошел к столу. Он приставил острие к лицу Джима и провел им по его щеке, и тут у настоящего Джима, который смотрел это жуткое кино, на лице что-то больно кольнуло. Проведя по коже, он обнаружил, что по ней пошла кровь. Когда Джим вновь перевел взгляд на экран, то все призраки смотрели на него и улыбались, а тот, что порезал его ножом, замахнулся, готовясь вогнать свое короткое лезвие в тело Джима.

Тут, схватив со стола один из испачканных в засохших остатках кофе стакан, Боб с криком размахнулся и со всей силой ударил по экрану. Во все стороны полетели осколки. Схватив разбитый телевизор, мужчина с размаху швырнул его на пол и, что есть сил, несколько раз топнул по нему ногой, оставляя глубокие рваные вмятины в его пластмассовом корпусе. Только тогда техника выключилась.

–Черт возьми,– пытаюсь перевести дыхание, вымолвил Джим. Не сводя глаз с практически уничтоженной плазмы, мужчина заметил, как на обломки и на пол начали падать светло-красные капли.– Ты порезался.

Чувствуя сумасшедший сердечный ритм, Джим, рана которого уже перестала кровоточить (она была неглубокой), усадил Боба на стул. Набрав в небольшое блюдо воды, молодой человек достал из чемодана аптечку.

–Да ладно, там не глубоко,– попытался вырвать свою руку Боб.

–Из тебя кровь хлещет, как из разорванной кабаньей артерии,– не отпуская его запястье, ответил Джим.

Протерев царапины, молодой человек вытащил из раны несколько крупных кусков стекла. Достав из чемодана небольшую фляжку с виски, он передал ее Бобу и сказал:

–Держи. Нужно зашивать.

Кивнув, мужчина припал к узкому металлическому горлышку. Вытащив из аптечки спирт, младший охотник плеснул его на рану. Боб стиснул зубы и зашипел.

–Не понимаю,– сказал он, изредка чертыхаясь, когда боль становилась сильнее, и стараясь не смотреть на иглу, протыкавшую его кровоточившую плоть и сшивавшую глубокий порез.– Почему не сработал измеритель ЭМП? Они застала нас в расплах.

–Не знаю,– покачал головой Джим, стараясь быть как можно аккуратнее (насколько позволяли его трясущиеся ру-

ки).

Несколько минут, пока молодой человек делал свое дело, они молчали.

–Как ты думаешь, это была та убитая проститутка? Лили, вроде,– откладывая красную иглу в сторону и забирая у напарника фляжку, спросил Джим.

–Не знаю, но силуэт был явно женский,– морщась и разглядывая ровные стяжки, ответил Боб.– Вот же стерва, чтоб ее!

Оставив раненного друга переводить дыхание, Джим взял диктофон и, расхаживая взад и вперед по гостиной, начал записывать произошедшее. Когда он сделал четыре круга, то уселся рядом с Бобом и хотел спросить старшего напарника о его мыслях и планах на дальнейшие действия, но через секунду послышался легенький звон колокольчика, донесшийся откуда-то из спальни.

–Ты слышал?– чувствуя екнувшее в груди сердце, спросил Джим. Хоть это и был не первый его призрак, но от жуткого похолодания внизу живота и склизких угрей он так и не смог отвыкнуть.

Раньше, конечно, было хуже. На одном из таких заданий парень столкнулся с очень жутким призраком мужчины Майкла Райдера. Он был похоронен заживо в подвале одного старого дома, находящегося в небольшом лесу, из-за того (как Джим потом выяснил вместе с Бобом), что не выплатил карточный долг какому-то местному гангстеру.

Это был самый мерзкий призрак, которого он когда-либо видел: полусгнивший, с копошащимися в глазах белыми червями, гнилыми зубами и гноящимися деснами. Всякий раз, когда молодому человеку вспоминался этот дух (что случалось крайне редко), его начинало сильно мутить.

Боб схватил здоровой рукой ноутбук и одним резким движением пододвинул его к себе. На картинке, которую вывела камера, прикрепленная в спальне, появилась женщина. Она была бледная, словно мел (в Японии это бы по достоинству оценили), и сидела на краю кровати. Дверь шкафа была открыта, словно она вышла из него, как из соседней комнаты. Одетая девушка (на вид ей было не больше тридцати пяти) была в черный сарафан, испещренный белыми точками-горошками. Спустя несколько секунд она повернула голову к камере и посмотрела на них своими светящимися серебром глазами (при стандартной съемке призрака они всегда были такими). Переведя взгляд обратно, она так и осталась сидеть и смотреть в одну точку на стене напротив себя.

–Пошли,– сказал Боб, поднимаясь со стула.– Я думаю, она хочет поговорить с нами.

Продолжая чувствовать щекотку прохладных языков страха, лижущих его нутро, Джим проследовал за напарником, и они оба вошли в комнату. Женщина не пропала и продолжала смотреть в одну и ту же точку, словно замороженная.

–Здравствуй,– поприветствовал духа Боб, аккуратными

семенящими шагами приближаясь к кровати.— Ты нам хочешь что-нибудь сказать? Как мы можем тебе помочь? Мы вообще можем тебе помочь?

Она медленно повернула голову в их сторону и уставилась на старшего охотника. Мужчины стояли, словно каменные изваяния, и спустя примерно десять секунд девушка кивнула.

—Как? Что мы должны сделать?

—Умереть,— шепнула девушка, и по лицам охотников прошелся холодок.— Она хочет, чтобы вы умерли.

Когда она сказала это, ее лицо исказила жутчайшая улыбка; уголки ее губ, выкрашенных в ярко-красную помаду, растянулись до самых ушей, обнажая квадратные белоснежные зубы, а у ее дыхания, резко разнесшегося по всей комнате, был запах гниющей на солнце падали с примесью сернистых соединений, воняющих тухлыми яйцами. Вдруг позади себя мужчины услышали топот маленьких ножек и детский смех, от которого у обычного человека сердце бы ушло в пятки. Джим и Боб резко повернули головы в сторону звука, но за спиной никого не было, а когда они вновь посмотрели на кровать, девушка испарилась, не оставив ни одного следа своего пребывания.

—Ну, вот и началось, черт побери,— выругался Джим, но тут Боб постучал его по плечу.— Что?

—Смотри, видишь картину?

—Да, и что?— спросил молодой человек, рассматривая со-

баку.

–Когда я ходил на осмотр номера, там в этом углу стояла девочка.

Сейчас же на полотне картины виднелась лишь одна собака.

–Зараза,– Джим провел по полотну пальцем.– Нам нужна соль.

Быстро вернувшись в гостиную, Боб залез в чемодан, но, к большому удивлению, противопризрачной смеси в мешочках он не нашел.

–Какого?..

Позади снова послышался частый топот маленьких ножек и детский девичий смех, холодный и пугающий, разносящийся отовсюду одновременно, и, обернувшись, охотники успели мельком заметить подол цветастого платица, скрывшегося в дверном проеме.

–Ах ты мелкая засранка!

Мужчина рванул следом за девчонкой, но когда они вместе с Джимом оказались в спальне, то увидели девочку на положенном ей месте на полотне картины. Только теперь ее глаза смотрели в потолок, а не прямо, как раньше, лицо озяряла самодовольная ухмылка, а на полу рядом с ее ногами лежали полдюжины их холщевых мешочков. Тут мужчины поняли, что эта молодая девушка-призрак, сидящая на кровати, была лишь отвлекающим маневром. Их обвели вокруг пальца, словно дилетантов, и теперь они остались практиче-

ски беззащитны. Если бы не тот трюк с разбушевавшимся теликом, который выбил из колеи, они бы никогда не пошли на встречу с призраком, при этом не вооружившись.

– Вот дерьмо! – Боб ударил здоровой рукой в стену. – Без смеси мы пушечное мясо. Они нас тут заживо растерзают. Нужно сваливать отсюда, на хрен, Джим!

Младший охотник, полностью разделяя его мнение, солидарно кивнул, и они, чувствуя переворачивающееся вверх тормашками нутро, рванули к выходу. Выбежав из комнаты, мужчины пересекли всю гостиную, едва не опрокинув стол, и подсочили к двери.

– Где ключ? – спросил у Боба Джим.

Он залез к себе в карман и, порывшись в нем несколько секунд, вытащил ключ, вставил его в замочную скважину и отпер замок. Боб толкнул дверь, но та не поддавалась, и тогда он, не теряя времени, отошел на несколько шагов и, что есть сил, лягнул ее в место чуть ниже ручки. Раздался громкий хруст ломающегося замка, и дверь с грохотом распахнулась.

– Пошли, быстро! – крикнул Боб и выбежал из номера.

Джим последовал за ним, но дверь резко пришла в движение и захлопнулась, сокрушительно ударив по молодому человеку. Ему показалось, что его на полной скорости сбил грузовик. Отлетев в противоположную сторону, Джим упал на стол, сшибая на пол все вещи, лежащие и стоящие на его гладкой столешнице. Ножки мебели хрустнули, и молодой человек, сильно ударившись обо что-то головой (скорее все-

го о стул, а потом вдобавок и об пол), провалился во тьму.

В воздухе витал запах жареного попкорна. Слушая веселенькую ярмарочную музыку и чувствуя, как рот наполняется слюной, Джим вместе со своей девушкой Моникой стоял в очереди. Наблюдая, как продавцы, одетые в яркую одежду, насыпают попкорн специальной лопаткой впередистоящим покупателям, молодой человек ощутил, как в его животе заурчало, и подумал, что потом надо бы купить поесть чего-нибудь более весомого, чем воздушная жареная кукуруза.

—Куда теперь пойдём?— спросила Джима подруга.— Я хочу на русские горки, никогда на них не была. Моника мне рассказывала, что это очень страшный, но крутой аттракцион.

—Хорошо,— наблюдая по-детски блестящие глаза девушки, кивнул молодой человек и шутливо дернул ее за завивающиеся волосы цвета вороного крыла.— Только сначала посетим колесо обозрения. Как раз съедим на нем наш попкорн.

Моника, оттолкнув его руку и беззаботно смеясь, слегка ударила Джима в правое плечо. Парень же в свою очередь схватил ее, притянул к себе и, не переставая улыбаться, поцеловал в губы. Ему хотелось, чтобы это мгновение не заканчивалось никогда, но тут их прервал голос продавщицы попкорна, от которого только что отошел мужчина, державший в одной руке желтое ведрышко, а в правой ручку своей дочурки.

—Заказывайте, молодые люди,— сказала она, поправляя

шапочку на голове,— не задерживайте очередь.

Глава 5

-Джим! Джим! ДЖИМ!!!

Боб, деря глотку, выкрикивал имя напарника и молотил по двери своими внушительными кулачищами, дергал за ручку, но на этот раз она не поддалась, даже не шелохнулась, словно это был цельный кусок стены, выкрашенный в коричневый цвет. Постояв секунду и отдышавшись, Боб поудобнее перехватил ручку и, надавив левой ногой в стену, потянул дверь со всей силы, на которое только было способно его тело. Виски у него раздулись, словно стенки воздушного шара, казалось, что еще чуть, и она лопнет, расшвыряв его мозг по всей округе. Вдруг ручка оторвалась, и мужчина попятился назад.

—Мать твою!!— вновь заорал Боб и взбешено швырнул вещь. Ручка с глухим звуком срикошетила от дерева и ударила в другую дверь, противоположную номеру «24», оставив на ней неглубокую вмятину.

Попятившись назад и почувствовав, как его спина уперлась в стену, Боб сполз по ней и сел на корточки.

Все его тело бил чудовищный озноб животного страха. Зубы стучали друг о друга, так и норовя откусить случайно попавший под их стаккато язык. Мужчина не понимал, что с ним происходит. Обычно Боб чувствовал себя впол-

не комфортно, уверенно. Он всегда знал, что происходит, спасал вместе с Джимом людей, но сейчас все было по-другому. Казалось, что номер «24» отеля «Падающая звезда» не просто вызывал страх, как абсолютно все дома, квартиры и фабрики, населенные привидениями, нет... казалось, что он не только его вызывал, но и усиливал, стократно усиливал, словно рупор или микрофон, усиливающий попадающий в него звук. Боб ощущал полную дезориентацию и растерянность, словно новоприбывший в армию салага, который впервые оказался на поле сражения с автоматом в руках, не имея понятия, как он работает и как из него стрелять и перезаряжать патронный магазин. Он понятия не имел что делать, словно все его знания и годы практики в охоте одновременно забылись, вылетели в трубу, ведущую в зева черной пустоты, аннигилирующей все, что в нее попадает. И это было чертовски неприятно.

—Нужно открыть эту проклятую дверь,— пытаюсь собрать все свои хаотично летающие по черепной коробке мысли в кучку, прошептал Боб.— Нужно открыть ее и вытащить парня.

Поднявшись на ноги, мужчина повертел головой, осматривая коридор, и рысцой побежал в ту сторону, где должна была находиться лестница, ведущая на первый этаж отеля. Он не понимал, почему никто не прибежал на его крики? «Я орал так, что меня должны были слышать в самом Кремле»,— думал Боб. Перескакивая за раз по две ступеньки, мужчина

споткнулся и едва не свалился кубарем с лестницы, но все же удержал равновесие.

Спустившись, он увидел администратора, стоящего за своей стойкой и, насупив брови, что-то внимательно разглядывающего. «Слава Богу»,— пронеслась мысль в голове Боба, словно молния в ночном небе. Подбежав к стойке, он хлопнул по ней ладонями.

—Там... номер... дверь...,— сбивчиво говорил охотник, пытаясь справиться с отдышкой.— Нужно что-нибудь...

Но Сергей его будто не слышал. Он все так же продолжал слегка супить свои мохнатые брови и что-то озабоченно рассматривать.

—Вы... слышите?..— продолжал задыхаться Боб, но заметил, что у администратора даже не сократилась ни одна мышца на лице (что могло бы свидетельствовать тому, что работник его слышит). Он был словно актер в фильме, который во время просмотра поставили на паузу.— Да... что...

Боб хотел стукнуть его по плечу, но рука прошла сквозь администратора, словно это был не материальный человек из плоти, крови и костей, а его очень реалистичная детализированная голограмма. Мужчина, ничего не понимая, посмотрел на свою руку. «Я что, сам стал призраком?— на мгновение пронеслась со скоростью пули по его мозгу ужасающая, парализующая все тело мысль.— Может, меня тоже убили, повесили на простыне, как на той видеозаписи с компьютера, и сейчас мое тело болтается в номере «24» в петле? Может,

тогда я уже был духом, и видел действительность?». Боб почувствовал, как сердце тошнотворно забилося у него в горле, словно рыбка, которую вытащили из воды и бросили на берег. Он провел ладонью по стойке и почувствовал, как его кожа прикоснулась к дереву. Заприметив большой темно-синий степлер, лежащий по правую руку Сергея, Боб схватил его, и тот, к огромному облегчению мужчины, не прошел сквозь его руку. Швырнув вещь в другой конец помещения, в сторону входных дверей, он услышал, как степлер глухо ударился о ковер.

Ничего не понимая, Боб, помахав перед лицом администратора рукой и так и не добившись от него ответной реакции, пошел в сторону кабинета мистера Туллиса. Все мысли мужчины были забиты картинками их с Джимом мертвых тел на записи видеокамер, и мысли «Что здесь вообще происходит?», вращающиеся в его голове по кругу, словно бобины старого запылившегося диктофона. «Диктофон!», – подумал Боб. Он постучал по карманам в его поисках, но тут же вспомнил, что последним вещь брал Джим. «Что там с ним?– и тут в его мысли прокралась гипотеза, которую он, спустя несколько секунд после ее появления выгнал из своей головы поганой метлой.– Может, он уже мертв? Так же, как и я».

Тряхнув ей, словно надеясь, что неприятные пугающие предположения вылетят через уши, Боб увидел дверь кабинета мистера Туллиса. Опершись об нее обеими рука-

ми, охотник распахнул дверь и ввалился в комнату хозяина-управляющего отеля «Падающая звезда». Она все так же тускло освещалась лампами и пляшущими огоньками пламени в камине. Мистер Туллис стоял рядом с ним и смотрел на горящие поленья, точь-в-точь как в их первую (и единственную) встречу несколько часов назад.

Подойдя к мужчине и чувствуя неизбежное фиаско, требующее лишь подтверждения на деле, Боб махнул рукой, и та (на тот момент он все еще надеялся, что путь ей преградит теплая плоть) беспрепятственно прошла сквозь изрядно покрывшуюся седыми прядями голову мистера Туллиса. Приглядевшись к огню, Боб заметил, что и оно было недвижимо. Языки пламени застыли, завернувшись и закрутившись в причудливые спирали и петли.

Мужчина почувствовал, как ладони неизвестности еще сильнее сдавили его горло. Боб, понимая, что начинает задыхаться, пошатываясь, подошел к столу мистера Туллиса. Он никак не мог понять, что же его душило: чьи-то невидимые пальцы, леденящий своим мертвецким морозом страх, или же сам воздух, спертый и наполнивший все комнаты отеля «Падающая звезда», словно газ в камере смерти, отравляющий организм, и вместе с ним мысли человека. Он не знал.

Чувствуя легкое головокружение, мужчина увидел тот самый графин с изящной, кубической формы, граненой пробкой. Схватив его, Боб (чувствуя даже что-то вроде облегчения от того, что ему удалось его взять) уселся на ковер и,

опершись спиной о стол, откупорил графин и припал к горлышку, высасывая из него темный коньяк, словно противоядие, которое при быстром принятии спасет его жизнь от неминуемой гибели. Жжение пошло сначала по горлу, затем дальше по пищеводу, и Боб ощутил, как его дыхательные пути вновь раскрываются, словно у новорожденного младенца, делающего свой первый вдох, и пропускают воздух в изголодавшиеся по кислороду легкие.

— Это было потрясающе! — чуть ли не кричала Моника. В ее глазах плясали бесенята. — А когда была мертвая петля, я вообще чуть сознание не лишилась!

— Ага, — кивнул ничуть не меньше возбужденный Джим. Сердце в его груди молотило так, словно он только что принял участие в лошадином забеге. — Я больше ни в жизни на них не сяду! У меня чуть инфаркт не случился!

Проходя мимо групп людей, принимающих участие в разных увеселительных конкурсах типа метания за приз дротиков в воздушные шары, привязанные к стенке, молодые люди держались за руки.

— Куда теперь? — спросила девушка, и тут она заметила уезжающую в лес телегу с подростками. — Смотри. Это что-то вроде комнаты ужасов!

Подойдя ближе, они встали рядом с лавкой, за которой продавали билеты. Рядом с ней стоял небольшой рекламный щит.

Поездка ужасов.

Считаете себя смельчаком?

Прокатитесь по лесу

призраков, и мы докажем вам обратное.

–Слушай,– сказал Джим, посмотрев на девушку.– Ты меня угробить хочешь? Сначала горки, теперь призраки.

–Не ворчи,– улыбнулась Моника.– Я же знаю, что тебе нравится. Извините!– позвала она продавца.– Можно нам два билета на поездку?

–Разумеется,– кивнул молодой мужичок лет тридцати пяти, но уже с внушительными залысынами на голове.– Только придется подождать двадцать минут, пока вернется повозка.

Время прошло очень быстро. Когда опустевшая телега вновь прибыла обратно, Джим и Моника обсуждали ее преподавателя философии миссис Лиск, которая, по мнению девушки, была редкостной стервой. Она никак не хотела принимать одну из ее работ, уже трижды возвращая ее обратно владелице с пометками на ошибках, которые подруга считала настолько мелочными, что нормальный преподаватель даже внимания бы на это не обратил. Джим, хохотнув, пошутил, что миссис Лиск злиться из-за того, что грудь ее ученицы больше, чем у нее. Моника же, засмеявшись, согласно кивнула и назвала своего парня придурком.

Заметив выехавшую из леса повозку, молодые люди вновь

подошли к прилавку и отдали мужчине свои билеты. Оторвав на них одну четвертую часть, он вернул их обратно и, кивнув в сторону повозки, сказал:

–Хорошей поездки, и приятных ужасов!

Поблагодарив его и прокрутив несколько раз в мыслях этот забавный оксюморон, Джим убрал оба билета в задний карман своих темно-синих, с редкими белыми островками, джинсов.

За несколько метров от повозки Моника вдруг застыла, и на ее лице отразилось замешательство.

–Что,– ухмыльнулся Джим, взяв ее за руку и потянув в сторону телеги.– Неужели испугалась?

–Нет,– немного неуверенно сказала девушка, поддаваясь и продолжая шагать вперед.– Просто... не знаю.

Забравшись в повозку, они устроились удобнее, и Джим, посмотрев на девушку, вновь увидел улыбку.

–Держитесь крепче,– грубым голосом сказал сидящий на козлах кучер, с покрытой глубоким темным капюшоном головой.– А то вас могут утащить.

Он тряхнул поводьями, и конь, мотнув гривой, тронулся в путь.

Спустя несколько минут светлая полоса исчезла, словно земля за горизонтом от уходящего в море корабля, и их окружил лесной полумрак, рассеиваемый лишь маленькими тусклыми красными фонариками, свисающими на веревочках с ветвей деревьев, плотно растущих рядом с довольно

узкой тропкой.

Вдруг послышался тихий скрип, и через секунду рядом с ними возникло лицо.

–Бу-гха-а-а-а!– зашипел проходящий на зомби монстр, схватив лежащую руку Монику.

Девушка завизжала и резко выдернула ее из ладони страшили. Зомби этот выглядел действительно жутко: его расцарапанное серое лицо было запачкано в крови и облеплено грязью, как и грязные патлы на голове, а из глаза на тоненькой красной ниточке свисало пружинящее глазное яблоко.

Тоже не удержавшись от вскрика, Джим отодвинулся в противоположную сторону и вместе с девушкой наблюдал за тем, как живой мертвяк издает разные шипящие и рычащие звуки и пытается до них дотянуться.

Кучер же никак не отреагировал – что понятно, ведь у него на счету уже десятки таких поездок, – на внезапное появление чудовища, будто ничего не произошло, и продолжал смотреть прямо перед собой и сжимать в ладонях поводья из искусственной кожи.

Упав на землю, зомби посмотрел несколько секунд вслед удаляющейся повозки, и шаркающей походкой пошел куда-то вглубь леса.

–Господи!– восторженно и испуганно одновременно выдохнула девушка, держась за сердце.– Как он так сделал?! Откуда?..

–Видимо, под повозкой есть второе дно.

И Джим оказался прав. Там было что-то наподобие полки, с которой актер скатывается и падает на землю под повозкой, о потом выскакивает сбоку и пугает людей.

—Ох, только начало, а я уже чуть не умерла от испуга,— сказала, хохоча и переводя дыхание, Моника.— Причем это было так неожиданно, прямо под нами!

Ехали они около двадцати или двадцати пяти минут. На пути им встретились падающие с деревьев висельники, какие-то монстры-собаки, маньяк в стиле Джейсона из «Пятницы 13-е», срубавший большим мачете свисающую голову человека, лежащего привязанным к столу, похожему на дыбу. Еще был клоуну с бензопилой, и девушка, выкрашенная и разодетая на манер приведения убитой невесты в подвечном платье.

Под конец все эти ужастики становились больше забавными, чем страшными. Но вдруг (видимо это было учтено людьми, которые придумали эту «комнату ужасов») кучер остановил повозку рядом с развилкой, у которой стоял деревянный указатель с тремя стрелками.

—На этом наши пути расходятся, мои несчастные друзья,— проговорил трубным голосом, обернувшись к ним, мужчина в капюшоне. Глаз его видно не было, лишь то, что ниже кончика носа.— Идите по любой из троп, и только от вас зависит, выберетесь ли вы отсюда, или останетесь в лесу навечно.

Дождавшись, когда Джим и Моника вылезут из повозки, кучер покачал головой, будто бы сожалея об их несчастной

участи, а затем тряхнул поводьями и укатил в ту сторону, откуда они приехали.

—Ну что, вот мы и одни,— сказал Джим, умышленно понизив голос и пытаясь походить на «человека в капюшоне».— Ну, конечно, если не брать в расчет страшных уродливых тварей и ужасных монстров, что прячутся в этом, забытом людьми и Богом, темном жутком лесу...

—Прекрати!— сказала наполовину криком наполовину писком девушка.— Давай лучше посмотрим, что там.

Подойдя к указателям, они прочли кривовато вырезанные на них надписи. На стрелке, указывающей на дорогу, уходящую вправо, было написано «Страшно», прямо «Весело», а налево «Просто обычная дорога».

—Я думаю, нужно пойти по дороге «страшно»,— сказала девушка, погладив свой гладкий ярко выраженный подбородок.— Это же дорога страха, и выход только там, где страшно.

—Да ладно тебе,— засмеялся Джим.— Я думаю, что на них на всех будет страшно, и что они потом просто сойдутся в одну. Но, возможно, на правой ужаснее, чем на остальных, поэтому пошли туда.

Свернув направо, они шагали по вытоптанной другими ногами дорожке, постоянно оглядываясь и с замиранием сердца ожидая, что в любой момент из ближайших густых зеленых кустов на дорогу выскочит какая-нибудь мерзостная страсть.

Джиму не хотелось это признавать, но ему и вправду бы-

ло жутко, даже немного страшно. Тут уже играл свою роль первобытный инстинкт самосохранения. Прислушиваясь и вздрагивая от каждого шороха или хруста, они все же двигались вперед, но не произносили ни слова, словно боялись, что их может кто-нибудь услышать. В воздухе невидимыми парами витала опасность.

Вдруг над их головами послышались хлопанье множества крыльев. Резко подняв головы, они увидели промчавшиеся темные силуэты.

–Летучие мыши?– не веря своим глазам, спросила Моника.– Как они их умудрились заставить здесь пролететь?

–Не знаю,– пожал плечами Джим.– Может...

Но девушка так никогда и не услышит, что он хотел ей сказать. Она больше никогда ничего не услышит.

Из-за дерева показался темный силуэт.

–Смотри,– сказала девушка, первой заметив его.

Силуэт приблизился, и фонарики осветили его обладателя. Это был мужчина, одетый в темные джинсовые брюки, черные залаченные туфли, и рубашку с закатанными по локоть рукавами. Джима смутило то, что он не нападал на них и не пугал, а медленно и осторожно приближался, словно львица, крадущаяся к стаду антилоп в траве.

Вдруг его силуэт размылся, и в следующую секунду он, мгновенно преодолев расстояние в не меньше двадцати метров, уже стоял рядом с ними. Оторопев, молодые люди смотрели на него, и Джим почувствовал ужас. Настоящий, а не

тот, что чувствуешь перед подставным клоуном с размалеванным лицом.

Мужчина резко открыл рот, и из них показались ряды клыков, на вид острых, словно заточенные с обеих сторон скальпели. Незнакомец схватил Джима за грудки одной, правой рукой, поднял над землей и отшвырнул в дерево. Пробыв в состоянии полета несколько секунд, Джим ударился о шершавую кору толстого ствола и почувствовал, как выходит весь воздух из его легких. Упав на землю, он скрючился, и первые несколько секунд, ощущая боль в спине, даже не мог вздохнуть. До ушей парня донесся крик, но он ничего не мог сделать. Это был крик ужаса, но через секунду он прервался еле слышным булькающим звуком, словно кто-то сворачивал шею гусю.

Когда Джим все же смог поднять голову, то увидел картину, которая следующие несколько лет будет часто заставлять его с криками и потным лицом просыпаться посреди ночи. Незнакомый стоял к нему лицом. Перевернув Монику вверх тормашками, левой рукой он держал ее за пояс, впившись в ягодицу выросшими из четырех пальцев левой руки темными когтями, а правой сжимал волосы, повернув голову девушки под неестественным углом (Джиму был виден ее затылок). Клыки его были погружены в шею жертвы, а глаза его были безжалостными и наливались кровью.

–Нет,– выдохнул Джим.

Вдруг за спиной монстра появился мужчина, державший

какой-то вытянутый предмет в руке. Кровосос заметил его, но не вовремя и не успел ничего сделать. Незнакомец так глубоко вонзил свой деревянный кол в его спину, сто он с рвущимся хрустом вылез из его левой грудины.

Вампир завизжал и выронил Монику. Девушка упала на землю, а монстр резко развернулся, пытаясь распороть своими когтями горло нападавшему, но мужчина быстро отскочил вперед и пальцы твари разрезали лишь воздух, и спустя несколько секунд чудовище свалилось и, дернувшись пару раз, затихло.

Пока Джим поднимался на ноги и плелся к девушке, неизвестный присел на корточки и приложил два пальца к месту, где должна быть артерия. Пульса он не нащупал.

–Мне очень жаль, парень,– искренне сказал мужчина, которого Джим через полчаса, сидя в его автомобиле и трясясь, как осиновый лист, узнает как Боба Салливана.

Джим же, не веря своим глазам, упал рядом с Моникой на колени, перевернул ее бледным лицом вверх. Глаза у девушки были остекленевшими, а на шее зияла глубочайшая рана от клыков. Джим закричал, закричал так, как не кричал никогда, а по глазам потекли жгучие слезы. Это был предпоследний раз в жизни, когда он плакал. Боб же стоял рядом, и ужаснулся от схожести картины, которая была ему очень знакома, и почувствовал, как старая рана на сердце вновь выстрелила болью.

Приподнявшись на локтях и чувствуя раскалывающуюся от боли голову, Джим потрогал затылок и почувствовал, что его волосы на ощупь были мокрыми и липкими. Посмотрев на покрасневшую от крови ладонь слегка двоящимся зрением, молодой человек попытался подняться на ноги. Каждая клеточка его тела ныла так, словно он сутки назад как умышленный весь вечер тягал стокилограммовую штангу. На секунду Джим своим сбитым с волны реальности мозгом подумал, что он просто валяется где-то с разбитой в драке головой после хорошего алкогольного загула (что с ним случилось пару раз), но спустя несколько секунд он осознал, что все еще находится в номере «24» отеля «Падающая звезда».

Закряхтев и сбросив с себя обломки сломанного стола, Джим с горем пополам поднялся, на ноющих от боли ногах подошел к кухонному столу и взял небольшое квадратное розовое полотенце, лежащее рядом с раковиной. Приложив его к разбитому затылку, Джим попытался собрать все свои мысли в кучу и вспомнить, что произошло, так как от сильного удара у него размылись воспоминания о последних нескольких часах, проведенных в этом ужасном номере «24». Заметив валяющуюся на полу серебристую фляжку, молодой человек наклонился и, сморщившись от боли, выстреливший в районе правых средних ребер, поднял ее и встряхнул. Внутри послышалось бульканье жидкости, но

очень слабо. Мужчина понял, что алкоголя осталось всего лишь примерно с одну четвертую части фляжки.

— Вот зараза, — невнятно сказал Джим, откручивая крышку зубами и чувствуя, как один из них чуть не скололся; его челюсти он напряжения и нарастающей с каждым мгновением паники судорожно сжались, будто он пытался прокусить стальной трос.

Молодой человек так же, как и Боб, переводящий в этот момент дыхание в кабинете мистера Туллиса, подметил, что его страх был каким-то до необычности сильным. Им с парником и раньше приходилось бывать в передрыгах, как, например, в деле с призраком Уильяма Старка.

Молодой человек (он был чуть младше Джима) очень боялся темноты и торопливо возвращался из туалета к трем приятелям и двум девушкам, с которыми он устроил вечер страшных историй при свечах. Как оказалось, вечер получился действительно страшным. Даже слишком.

Уильям считал это не очень удачной затеей, но друзья все же уговорили его (большую роль в его решении сыграла одна из девушек, Патрисия Сильверстоун, к которой парень испытывал очень сильные теплые чувства и, соответственно, не хотел выставить себя перед ней трусом), и он согласился и позвал их к себе домой. Поначалу все было просто прекрасно, они сидели, выпивали, и пытались напугать друг друга теми историями, что предварительно вычитали в интернете. Но вот в полночь Уильяму приспичило в туалет, и один

из его приятелей решил покрасоваться перед противоположным полом и подшутить над другом. Надев страшную маску зомби-пирата, он выскочил из темноты и схватил спускающегося по лестнице Уильяма за ногу. У того (не смотря на молодой возраст) случился разрыв сердца, и молодой человек полетел вниз, вдобавок свернув себе шею на одной из ступеней.

Призрак из паренька вышел, мягко скажем, прескверный. Он несколько раз едва не убил Джима: сначала метнул в него с полдюжины ножей, потом сбросил со второго этажа увесистую толстостенную вазу, которая едва не проломила ему череп и пробила острым углом глубокую дыру в паркете. После той охоты Джим стал намного аккуратнее и осмотрительнее (и перестал разыгрывать и подшучивать над Бобом).

—Как же отсюда выбраться?— спросил у самого себя охотник, и раздраженно швырнув пропитавшееся его кровью полотенце в раковину, направился к злополучной двери.

Джим двигался медленно и осторожно, словно переживая, что в любой момент у нее могут вырасти клыки, и она набросится на него, пытаясь откусить голову (хотя в этом номере могло случиться что угодно).

Дернув за ручку, он убедился, что она закрыта. Выругавшись в своих мыслях, молодой человек пробежался взглядом по округе и заметил ключ, валяющийся неподалеку, рядом с входом в туалет. Приблизившись к нему, Джим быстро поднял ключ с пола, но тут до его ушей донесся звук

капель, падающих в воду.

Чувствуя подскочившее в груди сердце и холодок, прошедший по ногам, молодой человек посмотрел внутрь туалетной комнаты, в которой кто-то уже включил свет, и увидел лежащего в ванне мужчину.

Ему было на вид около пятидесяти, округлый животик прикрывала черного цвета майка без рукавов. От воды к потолку поднимался жиденький пар, и человек трясущимися руками держал в руке тонкое бритвенное лезвие. По его гладким, видимо, недавно выбритым щекам из глаз стекали крупные слезы, перемешанные с потом. Плечи мужчины подрагивали при резких вдохах и всхлипах. Зажмурив глаза, он стиснул зубы так, что Джим услышал, как они заскрипели, и полоснул лезвием по руке перпендикулярно венам. Послышался тихий взвизг, вода окрасилась в ярко-красный, и Джим, стряхнув с себя оцепенение, быстро захлопнул дверь. За секунду до того, как она закрылась, неизвестный самоубийца поднял взгляд и успел посмотреть ему в глаза.

Джим понимал, что в этот момент идет первая ступень – психологическая атака. Ее устраивают девять призраков из десяти. Они пытаются подорвать его волю, помутить рассудок и заставить почувствовать неизбежность смерти. Второй ступенью должна быть, как он ее называл, «изматывающая осада». На этой стадии призраки пытаются настолько запугать жертву, чтобы та сама покончила свою жизнь самоубийством, лишь бы избавиться от мучений и страха.

Судя по смертям, которые были в номере «24» отеля «Падающая звезда», самые слабые умирали на первой стадии от естественных причин, а те, кто посильнее, на второй. Но есть еще и третья стадия, самая опасная – это когда призраки переходят в настоящее наступления, переставая запугивать и пытаться психологически сломать человека. Они начинают метать ножи, как было в случае с Уильямом Старком, и делать много чего другого, зависимо от того, насколько у них хватит фантазии и сил.

Все это Джим знал, но сейчас адекватные мысли и знания разбежались от него, словно муравьи из-под подошвы кроссовка ребенка, с усилием топающего по полу и жаждущего их раздавить.

Вновь подойдя к двери, молодой человек поудобнее перехвати ключ, но к своему изумлению он не смог найти скважину. Раскрыв рот, Джим, уверенный в том, что она была на месте еще минуту назад, внимательнее осмотрел дверь, даже ощупал ее ладонями, но скважины не было, словно она заросла, как раны зарастают на коже.

В попытке хоть немного успокоиться и остановить волны ужаса, все сильнее накрывающие его рассудок, Джим сделал глубокий вдох и убрал ключ в карман на тот случай, если скважина все же появится.

Неожиданно позади себя молодой человек услышал чье-то частое дыхание. Медленно обернувшись, он увидел рядом с обломками стола стоящую девочку, ту, что была на карти-

не. Она улыбалась и смотрела на него.

–Кто ты такая?– спросил дрожащим голосом Джим.

–Меня зовут Петунья,– ответила холодно, но весело улыбувшись, девчушка.

–Что тебе нужно, Петунья? Что нужно, чтобы вы перестали убивать?

–Мы уж говорили,– ответила девочка, перешагивая с ноги на ногу.– Нам нужно, чтобы вы умерли.

–Зачем?

–Так хочет наша мама.

–Зачем ей нужно, чтобы мы умерли?

–Слишком много вопросиков, дяденька,– девчушка, подойдя к единственному не упавшему стулу, положила на его сиденье петлю, связанную из простыни, и острое лезвие, которые появились у нее в руках, будто сотканые из воздуха. Оно было точно таким же, как у мужчины, который вспорол себе вены в ванной.– Это вам, подарочки от мамули. Воспользуйтесь ими, и тогда все будет хорошо.

Комнату прорезал, будто лезвие ножа, холодный и бесчувственный, словно осыпаемая снегом могильная плита в январскую ночь, смех, гуляя по номеру «24» как в сырой пещере. Вдруг девчушка подалась вперед и забежала на стену. Коснувшись ее голыми ступнями, она побежала по ней так же легко и непринужденно, словно по полу. Добравшись до потолка, девочка, не переставая гулко смеяться, села на корточки и устремилась в сторону спальни комнаты, стуча ко-

ленками по твердой поверхности, а ее голова, сделав один полный круг, повернулась на сто восемьдесят градусов и посмотрела на застывшего в ужасе Джима.

«Не поддавайся им!– кричал в своей голове охотник.– Они хотят тебя сломать, просто не поддавайся им! Что может помочь? Соль?!». На секунду ему показалось, что решение найдено, и он чуть не сделал большую ошибку и не ринулся к буфету, где стояла небольшая солонка, но тут в его памяти всплыла та информация, которую в прошлых заданиях он не забывал ни на секунду. Если он бросит в призрака соль без примеси серебра, то она доставит духу очень сильную боль, но не прогонит, а лишь разозлит. Хотя разозлит – это мягко сказано. Очень мягко.

Постояв пару минут и более-менее успокоившись, Джим, все еще видя перед глазами крутящуюся голову маленькой чертовки и напрягая слух до отказа, медленно прошелся по номеру. Что-что, а эти призраки действительно умели страшить, у Джима аж поджилки тряслись. Заметив вентиляционную шахту, молодой человек с воодушевлением подставил стоящий рядом со сломанным столом стул, предварительно стряхнув с него самодельную петлю и лезвие, любезно предложенные девочкой.

–Черт!– раздосадовано ругнулся Джим, взявшись пальцами за решетку.

Шахта была слишком узкой, туда смог бы протиснуться максимум ребенок лет девяти, да и то не факт. Раздраженно

пнув стул, Джим наконец-то вспомнил про окно. «Хоть бы оно открылось!»,— взмолился он всем богам, которых только знал, и рванул его наверх. В лицо дунул свежий ночной воздух. Не помня себя от радости, Джим быстро сбегал за табуретом и положил его на подоконнике как блокиратор, на случай если какой-то неведомой силе захочется захлопнуть окно и отрезать им высунутую голову молодого человека. Ощущая в животе напряжение, он посмотрел вниз. Находился Джим на высоте второго этажа, так что если выпрыгнуть, то максимум можно было сломать ногу. «Всего-навсего,— подумал он.— Срастется, в отличие от шеи».

Забравшись на подоконник и чувствуя ужас от своих действий, но все же каким-то краем мозга размышляя разумно и понимая, что прыжок отсюда точно не будет смертельным, Джим, несколько раз вдохнув, подался вперед и полетел вниз. На каких-то несколько секунд в ушах слышался свист, который чуть заметно заглушал шум крови, стучащий в висках. Земля приближалась со скоростью поезда, и за мгновение до приземления Джима окутала тьма. Затем последовал теплый свет, и молодой человек почувствовал жесткое приземление. Левая нога в районе колена выстрелила ошеломляющей болью, и Джим, повалившись на бок, закричал. На мгновение он открыл глаза и увидел вокруг себя стены номера «24». Он его не выпустил.

Провалившись так неизвестно сколько времени и дождавшись, пока боль поутихнет, превратившись из острой в ту-

пую пульсирующую, мужчина кое-как поднялся, жалея, что у него нет алкоголя. «Зато есть обезболивающее!». Прокывав в сторону чемодана и слегка ударившись бедром (хорошо хоть) здоровой ноги о стол, Джим порылся в нем и достал из маленького кармашка пачку «Тайленола». Вытащив из пластинки одну таблетку, молодой человек взял свою бутылку с газированной водой, стоящей рядом с открытым ноутбуком.

Открутив крышку и услышав шипение выходящих наружу лопающихся пузырей, Джим запил ей таблетку и поставил бутылку на столешницу, не переставая при этом сжимать ее в ладони. Тут до него дошло то, чего он поначалу не заметил. Стол, на который он оперся, был абсолютно целый, в таком же состоянии, как когда они вошли в номер «24». И ноутбук тоже был цел, и телевизор, который в порыве смеси страха и гнева расколошматил Боб, тоже стоял невредимый на своем прежнем месте.

Вдруг ладонь Джима, которая сжимала бутылку, сильно обожгло, словно он прикоснулся к кастрюле с кипящей водой. Одернув руку и отскочив на полметра и упершись тазовой костью в кухонный стол, охотник наблюдал, как пузыри в бутылке начали подниматься быстрее и интенсивнее, постепенно сформировав линии. Она кипела. В пластиковой бутылке. Но тут прозрачная жидкость вдобавок начала окрашиваться в красный цвет, словно в каком-то химическом эксперименте. Поначалу она была бледной, но с каж-

дой секундой становилась все насыщенней и темнее, как постепенно сгущающиеся краски на полотне художника, становясь похожей на какое-то французское вино.

Неожиданно красная жидкость резко вспенилась и фонтаном хлынула из бутылки, дымя и напоминая выплеск воды из дыры на спине у тяжело раненного кита. Джим почувствовал, как кипящая липкая соленая жидкость плеснула ему лицо и ошпарила кожу. После вновь последовала боль. Еще чуть, и он начнет к ней привыкать и относиться, как к самому по себе разумеющемуся. Это было примерно похоже на то (так подумал Джим), если бы на кожу попала кипящая смола.

Зажмурившись и прикрыв лицо в попытке отгородиться от потока крови он, чувствуя горящую ошпаренную кожу (на миг ему показалось, что она начала пузыриться и отслаиваться от черепа), ринулся к двери. Прижавшись к стене и ощущая ужас, Джим нырнул в свою майку, чтобы прикрыться от кипящего дождя. Кровь, не переставая, с шипением била из бутылки бесконечным потоком, и парень почувствовал, что она уже дошла ему до коленей. Комната заполнялась, словно ванна, в которую вместо воды лили магму.

Не зная, что делать, он рванул к окну. Комната заполнялась соленой субстанцией с удивительной быстротой, уровень крови буквально за десять секунд уже дошел ему до пупка. Еле добравшись до окна, Джим попытался его открыть, но на этот раз оно не поддалось, словно задраенный

люк в подводной лодке.

Кровь достигла подбородка, и вот спустя несколько секунд ноги Джима оторвались от пола и он воспарил. Номер «24» отеля «Падающая звезда» превратился в кровавый аквариум, который населяло лишь одно существо. Не успел молодой человек оглянуться, как кровь заполнила почти весь номер, и до потолка осталось всего чуть меньше половины метра. Вдохнув поглубже остатки воздуха, Джим нырнул и, терпя боль, начал молотить здоровой ногой по стеклу окна, но оно было словно армировано. Тут ему пришла в голову идея насчет вентиляционной шахты, быть может, там еще осталось чуточку воздуха, но глаза он открыть не мог, их бы сразу выжгло, поэтому Джим принялся икать ее вслепую, но успехом эта затея не увенчалась. Спустя полторы минуты он почувствовал свое сумасшедшее сердце, настойчиво требующее доступ к кислороду. Сдержав дыхание еще около двух минут и отчаянно пытаясь найти выход, Джим не выдержал и, сквозь всю боль чувствуя головокружение, вызванное кислородным голоданием, сделал глубокий вздох. Горячая кровь заливалась в уши, ноздри, а теперь еще и в рот и в сами легкие. Молодой человек пришел к выводу, что ему конец. Она начал захлебываться, но тут все резко пропало, и он почувствовал, как его щека прижимается к теплomu полу.

Вдохнув в себя столько воздуха, что легкие чуть не разорвало, едва не утонувший в галлюцинациях Джим перевер-

нулся на спину и начал кашлять. Крови нигде не было, но у молодого человека никак не пропадал ее металлический вкус во рту. Бутылка же так и стояла на столе, выпуская из себя мелкие пузыри бурлящей газированной воды, снова прозрачной. Едва не стошнив из-за противного вкуса, оставшегося на кончике языка, Джим поднялся и сел на стул.

Не успел он и двух минут просидеть в тишине, как в окно что-то постучало. Посмотрев на него, молодой человек увидел за стеклом лицо молодой девушки. Оно было едва видимо, словно она стояла в углу темной комнаты, освещаемой посреди ночи лишь одной слабой лампой, направленной в противоположную сторону. Кроме лица у нее ничего не было. Тут Джим испытал легкий приступ дежа-вю.

Ему казалось, что он уже где-то ее видел. Девушка улыбнулась ему жутчайшей улыбкой, и на слегка запотевшем стекле окна появились два отпечатка человеческих ладоней. Спустя секунду они начали опускаться вниз, оставляя после себя две широкие размытые дорожки, и тут позади себя Джим услышал щелчок. Обернувшись, он обнаружил, что входная дверь номера «24» отворилась. Не веря своим глазам, молодой человек вновь посмотрел на окно, но за стеклом уже никого не было, даже смазанные невидимыми ладонями колеи пропали. Осталась лишь темная ночь.

Почувствовав легкое головокружение, Боб заткнул графин и поставил его рядом с собой на ковер. Мужчина снова мог нормально дышать, алкоголь подействовал на него будто пущенная в горло струя жидкости ингалятора на человека, задыхающегося из-за приступа астмы.

Запрокинув голову, Боб закрыл глаза и медленно выдохнул, пытаясь успокоиться и размышлять холодной головой. Он знал, что паника в критических ситуациях в девяносто девять процентов из ста – это не к добру. Приоритетной же задачей для Боба была спасение Джима (как и у самого Джима). Нужно было как можно скорее вытаскивать его оттуда, но как, если этот призрак так намертво запер дверь? Мужчина охотился на множество тварей, но с таким сильным призраком ему никогда еще не приходилось сталкиваться.

Но у Боба не было сил даже на то, чтобы поднять руку. Кажется, даже если бы он сейчас захотел встать, то просто не смог бы... послышался душераздирающий крик, без сомнения принадлежавший Джиму. Он был таким, словно ему за один рывок оторвали ногу.

Мужчина, тут же забыв о своей усталости и истощенности, вскочил (графин при этом упал, и остатки коньяка вылились на ковер) и бросился к двери. Схватившись за ручку, Боб распахнул ее и остолбенел от неожиданности. В нос мужчины ударил запах прохлады и свежести. Что-что, а такого он точно не ожидал увидеть.

Вместо мрачного коридора, ведущего в кабинет ми-

стера Туллиса, за дверью находился парк, который он моментально узнал. Словно пребывая в забвении, Боб двинулся вперед, а когда оглянулся, то дверь уже исчезла, словно по мановению магической палочки волшебника.

Центральный парк Нью-Йорка был абсолютно пустым, будто все горожане коллективно сговорились и уехали загород на совместный пикник. Желтые листья деревьев опали с высоких деревьев, кружась в воздухе и опускаясь на темный, влажный из-за недавнего дождя асфальт и лестницу. Посмотрев на небо, Боб увидел заходящее за горизонт солнце, и этот закат показался ему таким необычным и прекрасным, и он вспомнил этот закат. Точно такой же он видел лишь один раз за всю свою жизнь, в ноябре пять лет назад. Мужчина помнил этот день, словно он был вчера, и помнил, что должно случиться.

Через несколько секунд он услышал топот маленьких ножек об асфальт. По ступенькам лестницы, держась за перила, в его сторону спускалась маленькая шестилетняя девочка, одетая в розовую курточку, черные штанишки, зеленую шапочку, и новые ролики. Ее наполовину беззубый рот озаряла та чистая, счастливая, беззаботная улыбка, на которую были способны лишь маленькие дети. Казалось, что малышка дарит ее не только мужчине, стоящему у основания лестницы, но и одновременно с этим всему миру.

Боб почувствовал, как у него защемило сердце. Ему казалось, что если она сейчас произнесет то, что произнесла то-

гда, то у него случится удар и он замертво упадет в объятья холодного влажного асфальта.

–Папа!– (безжалостно) счастливо воскликнула она, спустившись с последней ступеньки, и неуклюже подкатилась к Бобу и врезалась в его ноги.– Спасибо большое-пребольшое, они такие классные,– она отхлынула от него.

Крутанув указательным пальчиком среднее фиолетовое колесико, девочка, пока Боб плакал, покатилаь вперед.

–Смотри, как я умею делать!

Девочка приподняла одну ножку, но вдруг ролик завилял, и она чуть не упала.– Ой!

Подскочив к ней, Боб, не говоря ни слова, упал на колени и прижал девочку к себе, чувствуя под своими дрожащими от волнения руками прохладную ткань ее курточки. Она была тут, рядом, так близко... но в один момент все пропало все пропало.

Открыв глаза, мужчина обнаружил, что он обнимает холодную пустоту отеля «Падающая звезда», сидя на коленях на ковре в коридоре. Вдруг Боба накрыло гневом, и он, вскочив, принялся орать на пустоту и молотить ногами в стену.

–Ах ты тварь! Гнусная падаль! Я ненавижу тебя, сволочь! Зачем ты это делаешь, а!? Зачем?! Выпусти меня отсюда! Прекрати это немедленно!!!

По щекам струились жгучие слезы, и когда мужчина, потерявший все остатки самообладания, закончил ярые избиения несчастной стены, то почти не чувствовал своей ноги,

которая онемела и стала ватной.

Вдруг откуда-то с потолка на голову Боба что-то упало, и мужчина, отскочив в сторону, увидел перед собой болтающуюся петлю из конопляной веревки. На секунду он чуть не поддался желанию обвить свою шею любезно предложенной петлей, но все же взял себя в руки.

— Не дожدهшься, — голосом, полным такой ненависти, на какую только способен живой человек, прошипел Боб и, оттерев с лица слезы, отпихнул рукой веревку, качнувшуюся, словно тарзанка, и двинулся вперед по коридору. — Я тебя выкурю и поджарю солью и серебром твои пятки, клянусь жизнью.

Проходя мимо стойки администрации, мужчина размышлял над тем, как же ему все-таки попасть в номер «24». «Может, просто найти какой-нибудь топор и разрубить дверь? — подумал он и посчитал свою идею очень даже разумной. — Вот только где достать топор?».

Установившуюся тишину пронзил телефонный трезвон. Не веря своим ушам, мужчина вернулся обратно к стойке и, встав рядом с администратором, поднял трубку и приложил ее к своему правому уху.

— Бобби, — донесся из динамика знакомый голос, и мужчина почувствовал, как начали онемевать кончики его пальцев на ногах. — Это я, Карл. Слушай, я понимаю, что тебе сейчас очень нелегко, — грустный вздох. — Точнее, по правде сказать, вряд ли понимаю, но очень тебе сочувствую, братишка,

правда. Сара была прекрасной женщиной, мы все это знаем, и я хотел сказать, что мне жаль, и я тебе соболезную. Мы с женой обязательно будем на ее похоронах, и если ты хочешь, после она может посидеть с Кристал, пока мы с тобой надемся в каком-нибудь баре до потери сознания. И да, я, к слову, как прокурор, приложу все свои усилия, чтобы этого вонючего козла упрятали за решетку на самый длительный срок, какого только можно добиться. Ладно, увидимся. Надеюсь, ты ответишь как можно скорее.

Послышалась череда коротких гудков, и Боб трясущейся рукой бросил телефонную трубку на стол.

–Это все не реально,– запричитал Боб, закрыв лицо сложенными лодочками потными ладонями.– Иллюзия. Она просто хочет тебя запугать и сломить. Возьми себя в руки, Боб Салливан.

Повторив последнюю фразу с дюжину раз, мужчина глубоко выдохнул, все это время не замечая, как позади него стоял внушительных размеров мужчина, с полностью белыми глазами, без малейшего намека на радужки, зрачки, и тому подобную анатомическую муру, и отсутствующим носом, на месте которого зияли две черные дыры, уходящие глубоко в голову.

Почувствовав его присутствие, Боб развернулся. Незнакомый безносый мужчина заорал и замахнулся внушительной линейкой Дробышева. Охотник в последнюю секунду успел отскочить, и увесистая линейка опустилась на админи-

страторскую стойку, разрубив напополам телефон и повредив гладь стола.

Отбежав на несколько метров, Боб резко развернулся, приготовившись отражать дальнейшие атаки, но они не последовали. Уродливого «геодезиста» Боб увидел на лестнице. Он медленно поднимался по ступеням на следующий этаж и царапал острым концом линейки стену. Обернувшись к охотнику, мужчина одарил его улыбкой, и во рту блеснули ряды клыков, точно таких же, как и у того вампира, который загрыз Монику на ярмарке в «лесу ужасов».

Когда неизвестный пропал из виду, Боб немного постоял, переводя дыхание, и отправился на поиски кладовки, в которой (он молился об этом) можно было найти что-нибудь полезное. Быть может, не топор (хотя Боб очень на него надеялся), но хотя бы какой-нибудь захудалый молоток-то там точно должен быть!

Осмотрев холл отеля, Боб заметил висящий на стене, слева от стойки администрации, щит с изображением планировки «Падающей звезды» и инструкциями действий во время пожарной тревоги. «То, что нужно,— подумал он, приблизившись.— Так, нам нужна подсобка». Водя пальцем по щиту, Боб мысленно называл номера комнат.

За спиной послышался звук отворившихся дверей, и охотник, так резко повернув голову, что аж хрустнуло несколько шейных позвонков, увидел, как в отель зашли четыре человека. Первой шла очень красивая молодая девушка, словно

сошедшая с обложки глянцевого журнала, вторым был статный солидный мужчина, одетый в дорогой модный современный костюм от «Vigioni», и двое огромных, напоминающих скальных троллей, приодетых к свадьбе, двухметровых охранника.

Администратор поднял голову и торопливо выбежал из-за стойки. Вдруг все люди растворились, словно тьма, рассеянная первыми утренними лучами солнца. Боб растерянно огляделся, и увидел, как мужчина и дама поднимаются по лестнице. «Они идут в номер «24»», – понял он, догадавшись, кто это такие, и, бросив беглый взгляд на охранников, усевшихся на диванчике и застывших, словно два каменных изваяния, отправился следом за парочкой. Отставая от них всего на одну ступеньку, Боб видел, как у мужчины еле заметно трясутся руки.

Поднявшись на второй этаж, они повернули в сторону номера «24». Алексей и девушка сохраняли молчание. Дойдя до нужной двери, богач отпер замок, и они вошли внутрь, но Боб не смог пройти за ними следом. Его тело сковало ледяным параличом, и он беспомощно наблюдал, как дверь номера закрылась перед ним. Он пытался пошевелить хоть одним пальцем, но конечности не слушались, будто его мозг отсоединили от позвоночника и он потерял управление над телом. Спустя несколько минут из комнаты послышался крик, молящий о помощи. Поначалу он был просто громким, но спустя несколько полминуты стал таким, словно ее заживо

сжигали, попутно с этим разрывая на части. Боб же стоял и не мог пошевелиться.

Неожиданно по стене, противоположной входной двери номера «24» прошелся такой импульс, словно в нее со всего размаха врезался, привязанный цепью к крану, огромный шар, предназначенный для сноса зданий. Тело наконец-то подчинилось воле Боба, и он смог повернуть голову. В самом верху стены параллельно потолку пошла кривая трещина. Вдруг на обоях начали появляться красные кривые буквы, словно выведенные дрожащей рукой шестилетнего ребенка, впервые взявшего в руки карандаш. Затем надпись исчезала, и появлялась другая, затем снова исчезала, и снова появлялась.

«Видишь, что со мной сделали? Они все это сделали! Они все виноваты! Никто мне не помог! Я убью всех, пока не найду!...»

Последняя же надпись обрывалась и была явно незакончена.

–Кого?!– спросил Боб, стараясь не смотреть на вылезающие из расширяющейся с каждой секундой трещины серые гниющие руки, облепленные мокрой землей. Они скребли по обоям, обдирая их своими длинными зазубренными ногтями, и извивались, походя чем-то на дождевых червей, пытающихся вылезти из банки рыбака.

Неожиданно крик девушки оборвался, и руки начали залазить обратно в стену, словно их что-то напугало, и спустя

несколько секунд они полностью скрылись в темной трещине. Вслушиваясь в давящую тишину, Боб увидел, как дверь абсолютно бесшумно отворилась, и из номера «24» вышел исключенный мужчина. Он выглядел так, словно его только что спустили с лестницы. С носа незнакомца капала вода, а рядом с мочкой правого уха Боб заметил не смывшуюся кровь.

Постояв несколько секунд и посмотрев на сверкающие пятки Алексея Грома (а точнее воспоминания о нем), охотник вошел в номер и увидел, что весь пол был перепачкан кровью, словно на нем стая львиц только что растерзала оленя, а в ванной лежало изрезанное нагое тело молодой девушки, с намотанной на ее шею простыней, наполовину прикрывающей грудь. Пробежав мимо туалетной комнаты, Боб обшарил номер, но Джима так и не нашел.

Мужчина растерянно замер рядом со столом. Вдруг включился телевизор, и по нему с шипением побежали белые волны. Только тогда Боб, подойдя к нему, обратил внимание на то, что все разбитые вещи в номере были целыми. Среди волн вырисовалось знакомое лицо.

–Иди и посмотри, что он со мной сделал!– донесся сквозь белый шум женский голос.– И вы спрашиваете, почему я это делаю?!

После этих слов ее лицо пропало, телевизор, щелкнув, выключился, и Боб услышал легкие насвистывания. Не переставая чувствовать ужас, не покидающий его последнее вре-

мя почти ни на секунду, мужчина закрыл глаза, выдохнул, и направился прочь из номера.

—Отсюда никак не спастись,— донесся до его ушей девичий голос.— Зачем сопротивляетесь? Ведь вы уже сами поняли, что вы трупы.

Остановившись, Боб собрал всю смелость, которая еще не успела покинуть его, и обернулся. Девочка сидела на спине мертвого мужчины, привязанного за шею и поясницу двумя веревками, и раскачивалась на нем в широком дверном проеме, словно на самодельных качелях, висящих на заднем дворе частного дома.

—Может, и так,— ответил дрожащим голосом Боб.— Но я не оставлю вам такой радости. Я поклялся извести вас столько, сколько смогу. И я знаю, что для того, чтобы упокоить душу, нужно либо сжечь кости, либо исполнить желание призрака. **ТАК МОЖЕТ ПЕРЕСТАНИТЕ МЕНЯ ЗАПУГИВАТЬ, И СКАЖИТЕ, КАКОЕ У ВАС ЖЕЛАНИЕ НА САМОМ ДЕЛЕ?! ЧТО ВАС МОЖЕТ УПОКОИТЬ?!**

Боб, чувствуя саднящее от крика горло, замолчал. Смотря на девочку, он, дыша, словно бык, увидевший красную тряпку в руках тореадора, вместо ответа услышал шипение. Обернувшись, охотник увидел тело убитой женщины. Оно, словно зомби, выползло из туалетной комнаты. Раскачивающаяся на «качелях» девочка рассмеялась так, будто смотрела какой-то веселенький мультфильм по телевизору в утро воскресенья. Тварь резко поднялась и, несколько се-

кунд простояв перед Бобом во всей своей «красе», с воплем банши ринулась на мужчину. Боб отскочил в сторону и схватился за кухонный нож, но чудище не стало на него нападать, а промчалось мимо и вылезло через открытое окно, словно паук.

–Дяденька,– позвала, не переставая улыбаться, девочка.– Вы правда хотите знать? Тогда идите туда, и узнаете.

Она указала на вход в ванную комнату. Кивнув, Боб, продолжая стискивать нож в ладони, направился к туалету. Заглянув внутрь комнаты, он не увидел ни зашторенной ванны, ни раковины, ни унитаза. Вместо холодного светлого кафеля росла зеленая трава, вместо стен были деревья, вместо потолка голубое небо. И повсюду серые, черные, и белые надгробия. Боб сразу же узнал это место, как и городской Нью-Йоркский парк. Это было кладбище Грин-Вуд.

–Нет,– прошептал он и отпрянул назад, упираясь спиной в стену.– Ни за что, нет.

Мужчина почувствовал, как к его глазам подкатываются слезы, а в горле застревают всхлипы. В этот момент он выглядел примерно так, как выглядит мать, когда ей говорят, что ее единственного ребенка убили уличные хулиганы всего из-за пятидесяти долларов.

Над головой послышался хруст бетона. Задрав голову с такой быстротой, что самому себе вновь чуть не сломав шею, Боб увидел, как потолок со стоном начал опускаться. Опускался он во всем номере, кроме ванной комнаты, а точнее

кладбища. Входная дверь уже была заперта. Мужчина словно находился в чьей-то игровой комнате, владелец которой вертел ею и так и эдак.

–Нет,– словно в бреду запричитал Боб.– Меня не проведешь, это все иллюзия.

Дождавшись, когда потолок опуститься чуть ниже его роста, мужчина уперся в него руками, но он все продолжал неумолимо опускаться и постепенно прижимать Боба к полу. «Это не правда»,– мотая головой, думал мужчина, но тут до его ушей донесся звук спрессовывающегося компьютера, а потом и треск стола. Когда Боб уже не смог подняться с корточек, то не выдержал и прыгнул в туалет (кладбище).

Почувствовав, как его щеку защекотала трава, он перевернулся на спину и убедился, что дверной проем исчез.

–Не бойся, ибо Я с тобою, не смущайся, ибо Я твой Бог...

Голос священника, стоящего рядом с могилой, в которую несколько мужчин (двое с одной стороны, и двое с другой) опускали закрытый гроб, звучал трубно, но в голосе его не слышалось скорби. Поднявшись на ноги и осмотревшись, Боб увидел себя, обнимающего свою дочь за плечи. Она была абсолютно спокойна (толком не понимала что происходит), но вот глаза мужчины были красными и опухшими из-за слез. Встав рядом с могилой в полукруг, стояли и другие знакомые Боба: брат с женой, некоторые близкие друзья. Родителей у них обоих уже не было.

–Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержку тебя десни-

цею правды Моей...

Спустя несколько минут, когда священник дочитал молитву, добавив при этом несколько слов от себя, двое могильщиков взяли в руки по лопате и, подождав, пока желающие бросят на крышку гроба цветы или землю и произнесут коротенькую прощальную фразу, начали забрасывать яму землей.

В жизни любого человека есть лишь одна причина, одна точка, когда он чего-то не может сделать и исправить. Это когда он умер, и на крышку его гроба падает кладбищенская земля. Во всех остальных случаях – отговорки. Фраза «у меня нет времени», или «у меня нет сил», все это отговорки. Когда человек чего-то хочет, действительно, по-настоящему хочет, он достанет это время из-под земли, выжмет из своего тела последние соки и вытащит эти необходимые силы, но сделает то, чего желает. Настоящая безвыходность – только смерть, вот уж когда действительно ничего не поделаешь. Когда по крышке твоего гроба стучит земля и навсегда отрезает тебя от солнечного света и тепла, хороня вместе с остальными миллионами миллионов других мертвецов под ледяным рыхлым покрывалом.

По голове что-то легонько ударило. Подняв взгляд на неожиданно потемневшее небо, с которого капали крупные холодные дождевики, Боб почувствовал легкое головокружение, вызвавшее приступ противной тошноты. Осмотревшись по сторонам, мужчина понял, что он уже не на кладбище, а

рядом со своим домом. Из окон его квартиры лился свет. Он вспомнил и этот день, который был, без сомнений, наихудшим в его жизни, даже хуже похорон жены. Да что уж там говорить, слово «худшим» не раскрывает и сотую часть. Таких слов человек еще не придумал.

После гибели своей жены Боб стал отцом одиночкой. Работу он бросить не мог, задерживаться на ней временами приходилось аж до девяти часов вечера, поэтому мужчине пришлось нанять няню. Ей стала молодая девушку, Пенелопа Бердсон. Она почти что заменяла мать малышке, и выполняла все ее обязанности. Девушка забирала Кристал из садика, следила и ухаживала за ней до той поры, пока не придет отец. Няня была приятной девушкой, но в ту роковую ночь, в которой Боб сейчас оказался, мимо их дома пролетал очень опасный вид призрака, который, как он узнал спустя некоторое время, называли «кочующим». Они не привязаны к конкретному месту, и могут свободно перемещаться по миру и вселяться в людей, что делает их в десятки раз опаснее.

Боб снова почувствовал, что теряет управление над телом, которое, как он ни сопротивлялся, все же двинулось к входу в дом. «Нет, пожалуйста, только не это, пожалуйста!», – молился в своих мыслях мужчина, но тело осталось глухо к ним, и упрямо и безжалостно продолжало делать свое дело. Поднявшись на свой этаж, «робот» Боб полез в карман и отворил дверь. Зайдя внутрь квартиры, он положил ключи на

стол и выкрикнул имя дочери, но на его зов никто не прибежал, и это удивило Боба. Обычно Кристал, только заслышав поворот ключа в скважине, сразу же мчалась его встречать и, после объятий, спрашивать «не купил ли он случайно ей что-нибудь вкусненькое?». В тот судьбоносный день Боб подумал, что, возможно, они куда-то ушли и еще не вернулись, и, почувствовав легкое беспокойство, словно человек, переживающий за выключенный или нет уют в пустой квартире, полез в карман и собирался набрать номер телефона няни, одновременно с этим следуя на кухню, в которой горел свет. Но, увидев Пенелопу, сидящую на стуле спиной к выходу и смотрящую в окно, Боб выдохнул и убрал телефон обратно в карман.

«Наверно, она разукрашивает картинки или лепит что-нибудь, и хочет доделать работу до моего прихода», – подумал Боб. Мужчина, не издавая ни звука, двинулся к молодой няне, и только тогда увидел лежащую неподалеку от нее на полу маленькую бледную ножку. Остальная часть тела была скрыта от взора дверной рамой и стеной. Боб еще не понял, что случилось, но внутри у него все оборвалось.

–Пенелопа!– еще раз позвал несчастный (бывший) отец (и муж), и на этот раз девушка повела ухом.

Просидев в таком положении несколько секунд, няня все же обернулась, и Боб увидел ее безумное лицо, запачканное красными каплями и мазками, словно она только что пришла с фестиваля красок, где есть только кровавый цвет. За-

ствыв, мужчина с полуоткрытым ртом наблюдал, как Пенелопа медленно поднялась, сверкая в глазах жаждой смерти и убийства, и Боб заметил в ее правой ладони окровавленный кухонный нож, который она сжимала в руке. В голове мужчины сложились два и два, но он не успел на это никак отреагировать, так как няня закричала и бросилась на него.

Няня, визжа словно вепрь, в ребра которого загоняют острие копья, толкнула плечом ошарашенного растерянного Боба и повалила на пол. Оседлав мужчину и прижав его своим весом к полу, она попыталась пронзить его грудь (словно на видеозаписи у Джима) окровавленным ножом, но Боб вывернул ей запястья и сделал толчок поясом в ее бедра, и девушка, дернувшись, подалась вперед и упала на нож, сжимаемый в ладони мужчины. Сталь вошла едва не по самую рукоять, пробивая и разрезая кожу, мышцы, хрящи и органы.

Девушка охнула, застонала и выдохнула одновременно, как вдруг ее тело отбросило от Боба неведомой силой. Она проскользила по полу, словно камень для игры в керлинг по льду, и врезалась в стену. В тот момент Боб впервые увидел призрака. Он вышел из тела Пенелопы, но был невидим, лишь его тень отбрасывалась на стену (призракам было плевать на законы физики, фотоны и тому подобное, ведь они не из нашего мира). Девушка же стонала, пытаясь остановить кровь, вытекающую из раны, словно морс из треснутой пластиковой бутылки, и (глупая) вытащила нож из раны. Она словно открыла шлюз, сдерживающий бьющуюся в него бур-

ную своенравную реку.

Боб не отрывал своего испуганного, ничего не понимающего взгляда от темного силуэта на стене. Но вдруг тень дернулась в сторону кухни, меньше чем за секунду преодолела расстояние и вылетела через окно, вдребезги при этом разбив стекло, вставленное в раму всего год назад во время небольшого ремонта.

Поднявшись на ноги, Боб быстро посмотрел на продолжающую зажимать свою рану и из последних сил пытающуюся поддерживать свою жизнь Пенелопу, и вспомнил о дочери.

–Кристал!– хрипло позвал он, ковыляя в сторону кухни и не отрывая взгляда от маленькой детской ножки, так беззащитно лежащей на холодном безжалостном полу.– Кристал!

Нутро продолжало подсказывать, что случилось что-то непоправимое, но Боб до конца не хотел в это верить. Его сердце билось, словно сумасшедшее, едва не разрываясь от страха и предстоящей скорби. Когда он, вбежав на кухню, увидел тело своей дочери целиком, перевернутое на живот, Пенелопа, все еще лежа в коридоре, несколько раз дернулась, ее тело свело предсмертной агонической судорогой, и она испустила дух. Поначалу Боб ничего не почувствовал, потом в нем словно что-то оборвалось (надежда на то, что Кристал все же жива), и его прорвало. Огонь разжегся внутри мужчины, бушующее пламя гуляло по нему, выжигая все человеческое естество, и оставляя после себя лишь тлеющие остатки и холодную пустоту, которую нечем было заполнить.

Боб рухнул на колени, не веря своим глазам. В этот момент он думал и обо всем, и ни о чем одновременно. Казалось, все воспоминания, связанные с Кристал, пронеслись у мужчины перед глазами.

Мужчина дрожащей рукой дотронулся до холодной, словно вырезанной из куска льда, спины дочери, СВОЕЙ дочери, чувствовал стекающие по щекам горячие слезы (и понятно, второй раз такое пережить), но вдруг девочка резко приподнялась на руках и посмотрела на Боба, схватив его при этом за плечо своей маленькой ручкой. Сейчас на него смотрело не лицо Кристал (которая была уже мертвой на тот момент), а та самая девочка из картины отеля. Ее лицо исказил жуткий (даже слегка напоминая звериный) оскал.

–Теперь-то ты понял?!– спросила она совсем не детским, женским голосом.

Девочка вскочила на ноги и толкнула Боба. Мужчина шлепнулся на пятую точку и почувствовал выстрел боли, отозвавшийся в копчике. Она указала своим пальчиком в сторону бездыханного тела Пенелопы.

–Ты такой же, как тот, что убил меня!– гневно закричала все тем же голосом, не соответствующим детскому телу, девочка.– Он задушил меня, а ты зарезал ее! Мы обе ничего не сделали, а вы убили нас!

–Но она убила мою дочь!– Боб чувствовал, как из его глаз брызнула новая порция слез.

–Это была не она, а призрак, что в нее вселился!– продол-

жала бесноваться девочка.— Пенелопа была невиновна, как и я!

Тут, несмотря на шок, в голове Боба наконец-то сложилась полная картинка.

—Да-а,— улыбнулась девочка, которая, видимо, прочитала его мысли.— Если ты сделаешь это, мы отпустим твоего друга. Но только в этом случае.

Вдруг она открыла свой рот, настолько широко, словно показывая зубы на приеме у стоматолога, и Боб ощутил новый приступ тошноты. Его оторвало от пола, и он почувствовал, как его тело всосало в темное зева девочки. Через две секунды мужчина охнул от жесткого удара по спине и осознал, что уже находится в коридоре отеля «Падающая звезда», рядом с дверью номера «24».

Накрыв ладонями лицо, Боб просто лежал и, чувствуя постепенно иссякающие и высыхающие слезы, переваривал то, что услышал. «Так вот почему мы не смогли работать с ней, как с обычным призраком. Потому, что девушка — это и есть номер «24»». И он понял, что нужно сделать. Что он ДОЛЖЕН сделать, ради своего друга и постояльцев отеля «Падающей звезды» и возможных жильцов этого злополучного номера.

—Я понял,— кивнул потолку Боб.— Дайте мне лишь увидеть Джима, и я все сделаю.

На несколько секунд повисла тишина, Боб даже подумал, что к нему остались глухи, но тут послышался скрип, и муж-

чина увидел, как дверь номера «24» едва приоткрылась.

Глава 7

Сидя на стуле и смотря в пустоту, Джим, сложив руки в замок на груди, изредка попивал газированную воду из бутылки, из которой еще полчаса назад бил фонтан кипящей крови.

У молодого человека было чувство, что он попал в тюрьму. Не сделав при этом ничего незаконного. При всем при том, что здесь охранниками являются злые духи, жаждущие их (Джим избегал слова «меня», все еще надеясь, что Боб жив) растерзать, но перед этим как следует помучить. Джим чувствовал себя Эдмоном Дантесом, запертом в замке Иф, Энди Дюфресном в Шоушенке, и не знал, жив ли его Рэд.

Джим Хопс же, в отличие от них, так и не смог выбраться. Пробовал разбить окно, сломав при этом все стулья и еще много каких вещей, но, когда он вышел из туалета после того, как умыл лицо, то увидел, что все вещи вновь целы и стоят на своих прежних местах. Дверь тоже не поддавалась. Тогда Джим, побившись несколько минут головой о стену, сел на стул и стал просто ждать.

Что было удивительным, так это то, что с ним абсолютно ничего не происходило. Никакого ледяного смеха, топота невидимых ног, выливающейся из трещин в стене крови, игры света, летающих и падающих вещей, скрипящих дверей.

Ничего, полнейший штиль, словно призракам надоело над ним измываться (в чем он очень сомневался).

В какой-то момент его даже начало клонить в сон, но окончательно забыться ему не давали мысли о Бобе. И тут он услышал скрипнувшую входную дверь.

Не веря своим глазам, Джим встал со стула и замер на месте. Сначала дверь остановилась, оставив между собой и стеной узкую щель. Послышалось пыхтение, и тут она распахнулась, и в номер ввалился Боб собственной персоной. Поначалу Джим насторожился, что это какие-то новые трюки и происки духов, но было что-то в нем такое, что сразу же убедило молодого человека в том, что это «оригинал» его друга. Вид Боба был такой, словно его подвесили вверх ногами, надели на голову плотный мешок и дубасили битами, словно наполненную конфетами пиньяту на дне рождения.

—Слава Богу,— подскочив к другу, выдохнул Джим.— Иди, присядь.

Сжав плечо Боба, молодой человек подвел его к стулу.

—Что с тобой случилось?

Мужчина, держась правой рукой за плечо левой, которое, судя по всему, было сильно ушиблено, вкратце пересказал все, что с ним стряслось после того, как они разделились. Самой скупой была та часть, когда он оказался в своих ужасных воспоминаниях, да и не было смысла рассказывать все это вновь, ведь Боб, около года назад, порядочно выпив, излил душу своему напарнику, открыв все эти таящиеся в глуби-

не его души чертоги с нескончаемой болью, терзающей его, время от времени, до сих пор.

–Джим, я знаю, как нам победить ее,– помолчав после окончания истории несколько секунд, заявил он.

–Откуда? Что нужно делать?

–Только обещай, что дослушаешь до конца, и не будешь спорить.

Джим застопорился.

–К чему ты клонишь?

–Просто пообещай,– нетерпеливо сказал Боб.

–Ну, ладно, допустим, обещаю,– осторожно кивнул молодой человек, но взгляд Боба заставил его сказать.– Обещаю. Как?

Сделав несколько судорожных глотков воды и жалея, что нет ничего покрепче (фляжка была пуста), мужчина посмотрел на друга.

–Ты не хуже меня знаешь, что призрака можно изгнать двумя способами. Либо сжечь кости, либо выполнить его желание, которое не дает ему уйти.

–Ну, и?..

–И желание у них почти всегда одно – месть тому, кто их убил. Эту девушку задушил Алексей Гром, но, как рассказал мистер Туллис, спустя недолгое время он погиб во взорвавшемся автомобиле. Этот бизнесмен убил ее, убил ни в чем не виновную девушку. Она несколько раз это повторила.

–И что?– продолжая не понимать, к чему он клонит, спро-

сил Джим.

—Она ищет того, кто убил невинного, и не был за это наказан, как и Алексей. Призрак этой девушки будет убивать всех постояльцев номера «24», пока не найдет нужного человека. И она его нашла, и теперь хочет...

Джим хотел что-то сказать, но Боб не дал ему раскрыть рта.

—Это я. Ты понимаешь? В тот вечер, когда...— у него на несколько секунд пропал голос, но через усилие он все же смог это сказать.— Когда погибла моя дочь. Я убил няню, одержимую призраком. Если эта девушка заберет меня, то перестанет губить людей.

Что было удивительно, так то, что когда Боб произнес это, то ему стало легче, словно он выдавил большой гнойник, назревавший под его кожей многие годы.

—Ты что, шутишь?— не веря своим ушам, спросил Джим.— Ты не можешь этого сделать!

—Могу, и сделаю,— покачал головой Боб.— Пойми... я устал. Тем более, если я этого не сделаю, то она в первую очередь убьет тебя. Я не могу этого допустить.

—Она лжет!— крикнул Джим.— Этого она и хочет! Чтобы мы потеряли надежду, сдались, и готовенькими приплыли к ней в лапы!

—Нет. Это так. Все признаки на лицо,— покачал головой, оставаясь все таким же спокойным, Боб.

Вдруг за спиной Джима появился, словно сотканный из

воздуха, здоровый лысый мужчина. Горло молодого человека обвила простыня, и незнакомец оттащил охотника, брыкающегося и лягающегося, к двери, и насильно усадил его на колени. Силы мужчине было не занимать, так что Джим с краснеющим от натуги лицом не мог двинуться с места.

–Ты обещала, что не тронешь его!– закричал Боб, собираясь броситься на помощь другу.

–Да,– раздался уже знакомый голос.– Но только если ты сделаешь то, что мне нужно, и я смогу освободиться.

Всю комнату заполнили призраки. Мужчины и женщины, старые и молодые, с перерезанными венами, синими сломанными шеями, бледными лицами и кровоточащими животами. Они все смотрели своими стеклянными глазами на Боба. На чьих-то лицах была улыбка, на чьих-то застыли бесстрастные маски, словно люди слушали неинтересную рекламу кухонной утвари по телефонному звонку, а у некоторых (Боб не был в это уверен) даже было что-то вроде сочувствия.

–Я согласен,– кивнул мужчина девочке, стоящей в полуметре от него.– Что мне делать?

Она, выросшим из пальцев длинным когтем указала на стену, по левую сторону от окна. Комната задрожала. Буылки попадали со стола, телевизор подскакивал, и спустя несколько секунд тоже свалился на пол, с дребезгом разбившись и разметав осколки экрана по полу. Стена треснула перпендикулярно полу. Из расщелины вновь начали высо-

вывать облепленные грязью руки, шевеля своими длинными пальцами. Трещина все ширилась и ширилась до тех пор, пока не стала похожа на дверной проем, а из него, вслед за руками начали выглядывать лица, и Боб, смотря на них, увидел несколько знакомых: лицо того, кто напал на него с линейкой Дробышева на первом этаже отеля, и лица других, кого он успел увидеть, листая данные мистером Туллисом в его кабинете бумаги.

Подойдя к Джиму, Боб присел на корточки рядом с другом и шепотом просвистел сквозь сжимающееся от страха горло.

— У меня дома, в квартире в Нью-Йорке, под моей кроватью в спальне есть розовая коробочка. Там лежат ролики. Их я подарил Кристал. После ее смерти я не смог оставить их на ее могиле, так что прошу, сделай это за меня, пожалуйста. И прошу, когда выберешься отсюда, брось охоту, гонку за призраками и прочей нечистью, все это дерьмо. Делай, что душе угодно. Пиши книги, поезжай к океану, путешествуй, обзаведись женой и детьми, пей свой любимы чай Ши Фин Шу, или как его там, не помню. Главное, не потрать свою жизнь напрасно, и будь просто счастлив. Прощай, друг.

Боб улыбнулся и, отвернувшись и стараясь не обращать внимания на мычащего и хрипящего Джима, двинулся в сторону стены. Руки потянулись в его сторону, словно чувствовали своей мертвой кожей тепло, исходящее от мужчины, и надеялись, что он поделится им и оживит их.

Ощущая kloкочущее в самом горле сердце мужчины, не замедляя шага, направлялся к «двери», еле осиливая желание зажмурить глаза. Остановившись на секунду он, глубоко вздохнув пару раз, вспомнил тот день в Нью-Йоркском парке, поистине самом счастливом в его жизни. Вспомнил ту улыбку дочери, вспомнил ту безграничную любовь, которую ощущал в тот момент, словно весь мир стал добрым и все зло ушло из него. Улыбнувшись улыбающейся в воспоминаниях дочери, и обняв ее образ в своих мыслях, Боб двинулся дальше, и страх практически пропал. Тут одна из рук коснулась его щеки, но он представил, что это не мерзкая мумия, а его маленькая девочка прикасается к его щеке своей мягкой ладошкой. Другая рука цепко схватила мужчину за одежду и потащила в трещину, и через секунду улыбающегося Боба оплели десятки других рук, скользя своими гниющими пальцами по его волосам, носу, груди, и ногам.

Джим же, наблюдая за всем этим действием со стороны, отчаянно пытался вырваться, но у него не вышло. Боб сгинул. Руки утянули его в стену номера «24», и трещина начала затягиваться, словно рана на коже человека. Тут в глазах у молодого человека помутилось, все потемнело, и он провалился в небытие.

спустя час после рассвета

Джиму казалось, словно его вытянули веревкой из темных глубин неизвестного, самого глубокого в мире океана. Он почувствовал несколько ударов по щекам и, раскрыв гла-

за, зажмурился от ударившего в них света.

–Мистер Хопс!– звал его кто-то.– Мистер Хопс, вы в порядке?!

Спустя полминуты Джим смог открыть глаза и увидел перед собой обеспокоенное лицо мистера Туллиса. Он все так же был одет в свой костюм тройку, и сидел на корточках, а рядом с ним стоял администратор, сжимая телефон в руке, и белл-бой.

–Что?..– начал было говорить Джим, чувствуя, как воздух с трудом проходит через его высохшее и огненное, словно песок в Сахаре, горло.

Но тут его повело, и он снова потерял сознание, но перед этим все же успел увидеть входные двери отеля и его название «Падающая звезда».

Окончательно пришел в себя молодой человек лишь в больнице. Он лежал на одноместной койке, подключенный к аппарату, следящему за сердечным ритмом, и капельнице, игла которой была введена в вену его левой руки. Слушая писк частоты своего сердцебиения, Джим увидел сидящего рядом с собой на стуле мистера Туллиса. В одной руке у него был пластмассовый, закрытый фиолетовой крышкой стакан с кофе, а в другой толстая книга. Название ее было «Братья Карамазовы», но Джим не смог его прочитать, так как оно было напечатано на русском языке.

–О, вы проснулись,– периферическим зрением заметив

движения молодого человека, сказал мистер Туллис.

–Где мы?– спросил Джим, едва ворочая от истощенности языком.

–Мы в самой ближайшей от отеля больнице.

Спустя несколько минут молчания в мыслях молодого человека всплыли воспоминания ночи, проведенной в номере «24».

–Где Боб?– слегка сипящим голосом спросил он.

Джим понимал, какого рода будет ответ, он точно это знал, но ему нужно было это услышать, чтобы в главе своей жизни, в которой он дружил и охотился вместе с Бобом, поставить точку.

В любой истории она должна быть. Как бы это ни было грустно (или, может быть, для некоторых хорошо), но все рано или поздно заканчивается, и лучше, если человек будет видеть точки в главах книги своей жизни, чтобы не заикливаться на уже прошедших историях и начинать писать новые. Ведь, если бояться ставить точки, то можно так и закончить свою книгу лишь с двумя-тремя главами, или вовсе с другой историей, так и не написав все то, что ты на самом деле хотел. Прошлое нужно помнить, просто необходимо, ведь без него мы попросту потеряем себя, но нельзя обременяться им и позволять ему мешать продолжению желаемой истории.

–Я думаю, сейчас не очень подходящий момент...– начал было мистер Туллис, но Джим посмотрел на него таким взглядом, что он прочистил горло и продолжил.– Когда на-

ступило утро, мы с Сергеем зашли в номер и, пойдя по комнатам, нашли вашего напарника. Обнаружили мы мистера Салливана повешенным на простыне кровати в шкафу. Не обнаружив вас, мы подумали, что вам как-то удалось сбежать, и тогда мы услышали крики одной из уборщиц. Она увидела вас через окно, валяющимся ничком неподалеку от дороги, напротив входных дверей отеля. Что там произошло?

—Мы столкнулись с призраком девушки, что была там убита бизнесменом. Боб договорился с ней, что если даст себя убить, то она прекратит губить постояльцев.

—Деньги за работу я вам перевел на карту,— поднявшись со стула через несколько минут неловкого молчания, сказал мистер Туллис.— Чемоданы находятся в больнице. А я, пожалуй, пойду. Вам нужно отдыхать,— он пошел в сторону двери, но за полметра до нее остановился и обернулся.— Спасибо вам.

—Какая версия полиции о случившемся?— кивнув, спросил Джим.

—Точно,— шлепнул себя по лбу мужчина,— чуть не забыл. Проснувшись посреди ночи, вы обнаружили своего друга повешенным. Добежали до администратора, рассказали об этом, выскочили на улицу, но были так сильно шокированы, что потеряли сознание. А там дальше придумайте что-нибудь самостоятельно.

—Хорошо.

—До свиданья,— мистер Туллис немного склонил голову, и еще несколько секунд потоптавшись у двери, вышел из палаты.

Джим остался наедине со своими мыслями, капающим в стеклянной колбе успокоительным, и писком аппарата.

Спустя несколько часов он поговорил с полицейскими, а точнее с их переводчиком, и договорился о том, что тело Боба будет отправлено и похоронено в Нью-Йорке. После сходя в столовую и пообедав там не очень вкусной едой, он вернулся обратно в палату и начал смотреть какой-то русский сериал на небольшом телевизоре, висящем в верхнем левом углу комнаты, и абсолютно ничего не понимал, но бубнеж актеров действовал на него как-то успокаивающе.

Неожиданно зазвонил телефон, лежащий на прикроватной тумбочке. Подскочив от неожиданности, Джим взял трубку и увидел номер, определившийся как «мистер Туллис, заказчик». Не понимая, зачем он снова звонит ему (и даже на секунду забеспокоившись, что он сейчас ему скажет, что в номере опять твориться чертовщина, и ему нужно приехать и разобраться с ней), молодой человек принял вызов и приложил телефон к уху.

—Алло,— послышался с другой стороны линии голос мистера Туллиса.— Извините, не хотел вас снова беспокоить, я всего лишь на два слова.

—Да, что такое?— в голосе Джима слышалось волнение.

—Я сомневался, стоит ли вам говорить, или нет, но все

же решил, что стоит. Когда я приехал обратно в «Падающую звезду», то наш белл-бой сообщил мне одну престранную информацию. И я в ней удостоверился, когда поднялся на второй этаж и проверил ее лично. Номер «24» пропал. Не знаю, как такое возможно, но там остались только номер «23» а после него сразу же идет номер «25».

Джим ничего не успел ответить (хоть он и понятия не имел, что сказать), так как после того, как мистер Туллис закончил, то сразу же оборвал линию звонка. Услышав короткие гудки, молодой человек заблокировал телефон и, бросив его на простыню, справа от себя, уставился в стену.

Глава 8

Поднявшись по лестничной клетке, Джим вставил в замочную скважину ключ и отпер замок. Глубоко вздохнув, молодой человек опустил дугообразную металлическую ручку на сорок пять градусов вниз и потянул дверь на себя.

В квартире чувствовался запах спертости и того, что в жилище очень долгое время не было людей. Не разуваясь, Джим прошел по всем комнатам и открыл окна. На душе у него скребли мокрые облезлые кошки. «Под кроватью в спальне», – подумал молодой человек, поэтому эту комнату оставил напоследок.

Войдя внутрь, Джим неторопливо прошелся по спальне. Заметив на комодe фотографии, он почувствовал, как внут-

ри него завил волк. Совсем молодой (как ему казалось) Боб был изображен на них со своей женой и дочерью, когда они еще были живы. Их лица были пропитаны счастьем, словно свечки ароматическими маслами.

Почувствовав подступающие к глазам слезы, которые Джим так и не выпустил наружу, молодой человек улыбнулся.

–Надеюсь, что теперь вы все вместе,– прошептал он, и едва не поддался искушению забрать себе одну из фотографий, но решил ничего не трогать.

Подойдя к кровати, Джим встал на колени и заглянул под нее. На полу стояла одна-единственная, покрывшаяся сантиметровым слоем пыли, розовая коробка.

Достав ее, он дунул на крышку и несколько раз чихнул.

–Ах ты,– сказал Джим, и чихнул еще раз, да так сильно и быстро, что даже не успел прикрыть рот ладонью и несколько капелек слюней брызнули на коробку.

Вытерев их рукой, он открыл крышку и увидел пару почти новых роликов девочки, которая так и не смогла ими до конца насладиться. Тоска-цунами навалилась на Джима, и он торопливо вернул крышку на место. «Эх, бедная Кристал».

Уйдя из спальни на кухню, молодой человек сел на стул рядом с обеденным столом и взглянул на наручные часы. «Осталось еще полчаса». Вытащив из кармана мобильник, Джим набрал номер такси и назвал адрес.

Дождаясь машины, он разглядывал один единственный

билет на самолет, который и был как раз его новой главой. Он не начинал жизнь с чистого листа, Джим считал это выражение бредовым. Начать жизнь «с чистого листа» можно лишь в том случае, если полностью стереть себе память. А в остальных других случаях это просто новая глава.

Спустя несколько минут Джим вышел из квартиры, запер дверь, спустился на первый этаж и вышел на улицу, где его уже ожидало желтое такси. Усевшись на заднее сиденье, он, не говоря ничего лишнего и сжимая коробку с роликами подмышкой, просто назвал адрес.

–Кладбище Грин-Вуд.

Вокруг никого не было. Лишь Джим, священник, да гробовщики, забрасывающие могилу после окончания молитвы землей. Закончив, они ушли, и спустя несколько минут священник попрощался с молодым человеком и тоже удалился. Слушая шелест зеленых крон, похожий на чей-то неразборчивых шепот, Джим стоял напротив трех могильных плит. Вся семья Салливанов лежала под землей, в деревянных ящиках. Но зато теперь они вместе, и молодой человек надеялся, что они наконец-то счастливы. Особенно Боб с такой-то тяжелой судьбой.

Открыв коробку, Джим достал пару роликов и положил их рядом с цветами на могилу Кристал, и все же не сдержался и уронил на заросшую травой землю несколько капелек соленых слез. Смерть – естественное событие, как и рожде-

ние, ее не избежать, как появления голода и желания спать, но несправедливо, когда человек уходит из жизни таким образом. Застрелен наркоманом в подворотне, сбит автомобилем, и многое другое. Но самое несправедливое, когда умирают дети, и даже не важно из-за чего именно. Смерть – это взрослое занятие.

Джим плакал, но не мог заметить, как перед ним стоят три невидимых призрака: мужчина, женщина, и ребенок. Они смотрели на него и молча улыбались. Кристалл прижалась к левой ноге Боба. Он в свою очередь держал в правой руке ладонь жены, а левой приобнял дочь.

–Прощай, старина,– погладив надгробие друга, прошептал Джим, а призрак Боба едва заметно улыбнулся и кивнул, но молодой человек, разумеется, не увидел этого.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он пошел в сторону дороги и ни разу не оглянулся. Билет на самолет в его кармане словно потяжелел, и Джим, оттерев слезы, почувствовал на душе небывалое облегчение, словно он был Сизифом, которому объявили, что он может наконец-то бросить свой камень в Стикс и идти отдыхать, или Тантал, который все же умудрился хлебнуть воды из реки. Джим дописал свою главу и приступил к новой, как и, по злой усмешке судьбы, обещал Бобу, когда они оба сидели в отеле «Падающая звезда» в номере «24» перед началом всех этих кошмаров и смеялись.

Выйдя к дороге и поймав такси, Джим уселся на заднее

сиденье и вновь сказал водителю просто и без лишних слов.
–В аэропорт, пожалуйста.

Эпилог

Шесть месяцев спустя,
Доминиканская республика

«...Зак медленно подошел к двери, сжимая в своих обильно потеющих руках дробовик, заряженный смесью соли и размельченных крошек серебра.

-Ты идешь?– прошептал он Джону, стоящему на несколько шагов позади.

-Открывай,– кивнул в ответ напарник, и мужчина резко и безжалостно дернул на себя круглую ручку двери.

Из комнаты повеяло холодным воздухом, пропитанным запахом осеннего кладбища и предсмертным ужасом прошлых жертв, и прямо на них вылетел уродливый призрак Бенджамина Ву. Часть его правой ноги отсутствовала, обрываясь окровавленными рваными светло-синими брюками...»

Джим пригубил вкусный виски из красивого граненого бокала, который он купил месяц назад во время недолгого путешествия во Францию. Стуча по клавишам своего новенького белого ноутбука, молодой человек время от времени переводил взгляд на шуршащие о песчаный берег волны

океана. Джим любил писать именно здесь, на берегу. Он выносил специальный круглый столик, стул, брал с собой бутылочку виски, компьютер, и садился в паре метров от берега. Записями на бумаге он никогда не пользовался, потому что все, что он писал, происходило с ним на самом деле. Он менял лишь имена. Иногда он со смехом называл свои рукописи «мемуарами в комнате кривых зеркал».

Чувствуя легкий бриз, обвевающий его тело (Джим был одет, словно пенсионер в отпуске: в гавайскую рубашку, бежевые шорты, и шлепанцы-лягушки), молодой человек строчил по клавишам, то быстро, словно профессиональный бухгалтер с тридцатилетним стажем работы, то средне, как обычный среднестатистический человек, у которого есть дома компьютер.

Наконец-то он был дома, и был счастлив.

Вдруг до него дверь дома открылась, и из него вышла молодая девушка.

–Джим, иди ужинать!

С Росарио он познакомился спустя месяц жизни в Доминиканской республике, и спустя еще месяц они стали жить вместе (она, кстати, и была главной причиной их совместного путешествия в Париж).

–Иду, дорогая!– крикнул в ответ по-испански Джим и, дописав еще несколько слов, захлопнув крышку ноутбука.

Через раскрытую дверь протиснулся его пес, спрыгнул с невысоких ступенек и, взрывая лапами песок, подбежал к хо-

зяину.

–Привет, Густав,– погладив животное по холке, сказал Джим и поднялся со стула.

Направляясь к дому, он вспомнил об одном вопросе, который ему недавно задала Росарио, прочитав один из его рассказов. «Это жутко потрясающе,– сказал она, откладывая после прочтения ноутбук в сторону.– Как ты умудряешься придумывать такое? Не представляю». Джим тогда неловко засмеялся. Он не рассказывал девушке о том, чем занимался раньше, да и не собирался когда-либо рассказывать. Ни ей, ни детям, о которых мечтал, и один из которых (а меньше чем на троих он не рассчитывал) недавно поселился в чреве Росарио. Узнав о беременности подруги, Джим был несказанно счастлив, и даже на какие-то несколько секунд ему показалось, что стоящей позади него Боб одобрительно похлопал его по плечу.

–Пошли, братец,– сказал Джим псу, удовлетворенно вывалившему из пасти свой большой розовый язык.– Сейчас мама будет нас с тобой кормить.

Взяв ноутбук подмышку, бывший охотник глубоко вдохнул чистый свежий воздух, ветерком развивающий его волосы, и двинулся в компании пса домой. Домой.